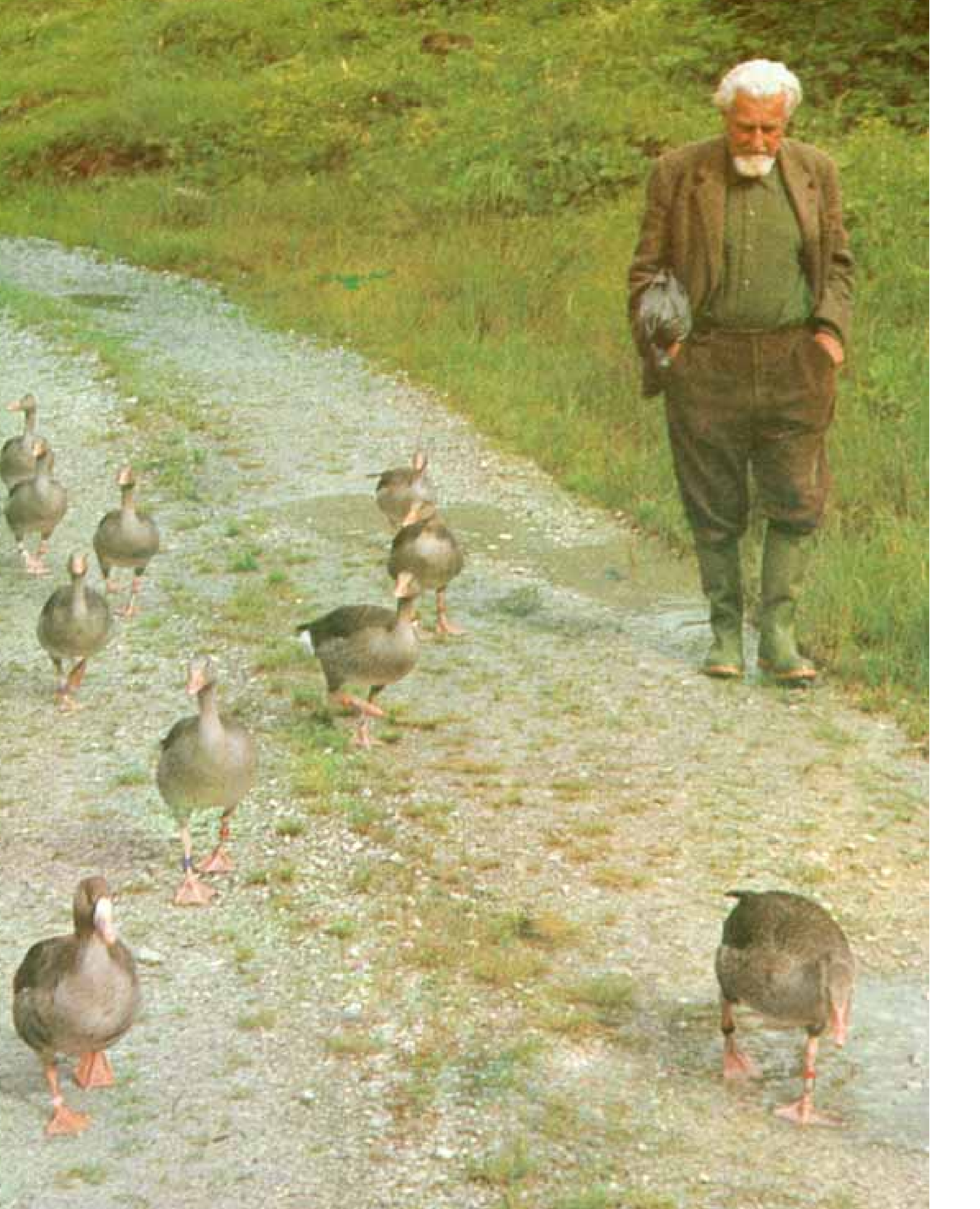

КОНРАД ЛОРЕНЦ
ГОД СЕРОГО ГУСЯ

КОНРАД ЛОРЕНЦ

ГОД СЕРОГО ГУСЯ

КОНРАД ЛОРЕНЦ
ГОД СЕРОГО ГУСЯ

ФОТОГРАФИИ СИБИЛЛЫ И КЛАУСА КАЛАС

Перевод с немецкого И. ГУРОВОЙ
Предисловие канд. биол. наук Е.Н. ПАНОВА

МОСКВА «МИР» 1984

ББК 28.693.35
Л 78
УДК 598.413

Лоренц К.

Л 78 **Год серого гуся:** Пер. с нем./Фотографии С. и К. Калас. — М.: Мир, 1984. — 191 с., ил.

Книга известного австрийского этолога, лауреата Нобелевской премии, создана по материалам наблюдении автора за серыми гусями. Текст сопровождают прекрасные фотографии Сибиллы и Клауса Калас. Строгие рамки научного подхода, отнюдь не мешающие свободному развитию фабулы, а также удачно подобранные фотографии ставят книгу в ряд лучших произведении о живой природе.

Для широкого круга любителей природы.

Л $\frac{2005000000\text{-}010}{041(01)\text{-}84}$ 170-83, ч. 1

ББК 28.693.35
596.4

Редакция научно-популярной
и научно-фантастической литературы

Предисловие

Истинное счастье человека — отдать всю свою жизнь занятию любимым делом. Откуда приходит к нам это увлечение? Почему один становится инженером, другой — художником, а третий — зоологом? И почему одни зоологи страстно интересуются исследованием змей или, скажем, бабочек, а для других нет ничего дороже птиц? Более того — какого-то определенного вида птиц, который кажется исследователю самым близким и интересным?

Наверное, многие из нас хранят в памяти тот прекрасный момент своего детства, когда тебя посещает откровение и твой дальнейший путь на ниве познания и созидания оказывается предрешенным. С автором этой книги — всемирно известным ученым, основателем новой науки о поведении животных, — это случилось более 70 лет назад, когда шестилетним ребенком он однажды увидел пролетающую над долиной Дуная стаю серых гусей. «Человеческие эмоции, — пишет К. Лоренц, — развиваются очень рано и остаются неизменными до конца жизни. Я и сегодня вновь ощущаю то, что ощутил тогда. Я не знал, куда летят эти гуси, но мне хотелось отправиться с ними. Меня переполняла романтическая жажда странствий, от которой вздымалась грудь, и сердце готово было разорваться. И впервые — это я знаю точно — во мне возникло непреодолимое желание выразить себя».*

Так началось странствие Конрада Лоренца по таинственному миру царства животных, — странствие, продолжающееся еще и сегодня и принесшее столько радости самому путешественнику и десяткам его учеников, последователей и читателей. Только в нашей стране первая научно-популярная книга К. Лоренца «Кольцо царя Соломона» выдержала уже 3 издания. Эта книга, насыщенная богатыми сведениями о самых различных животных и в то же время проникнутая тонким юмором и чувством глубокого единства всех проявлений жизни на Земле, в равной мере адресована и подросткам, и умудренным опытом людям. Но главное для нас сейчас заключается в том, что в этой книге, рассчитанной на широкого читателя, ее автор — ученый и мыслитель — высказывает свои сокровенные мысли о роли природы и ее исследования в жизни современного человека. Этим мыслям К. Лоренц остался верен и по сей день, и его новая книга «Год серого гуся» как нельзя лучше подтверждает это.

* Лоренц К. Кольцо царя Соломона: Пер. с англ. — М.: Знание, 1980.

Современная индустриальная культура ведет человека к отрыву от природы, с которой он находился в гармоническом единстве. То, что некогда было воистину своим, близким и понятным, становится далеким и чуждым. Отсюда варварское отношение горожанина даже к тем немногим росткам живого и прекрасного, которые еще сохранились в каменных ущельях современного мегаполиса. Отсюда нелепая жестокость человека, способного свернуть шею лебедю, плавающему в городском пруду, или попытка украсить свою комнату осенними ветками клена, безжалостно обрываемыми с растущего во дворе дерева. У нас есть прекрасные законы об охране природы, но закон — это мера принуждения, которой не решить всей проблемы.

И Конрад Лоренц пытается действовать другим путем, убеждая своего читателя в том, что и на нем самом, и на его близких лежит ответственность за сохранение всего живого и прекрасного на нашей планете, потому что все проявления жизни поистине прекрасны, и все мы должны научиться видеть эту красоту и ощущать ее непреходящую ценность для нас самих и для будущих поколений.

Я думаю, немногие из нас останутся равнодушными к тому очарованию девственной природы, которым проникнуты фотографии соавторов Конрада Лоренца — молодых зоологов-энтузиастов Сибиллы и Клауса Калас. А если так, то замысел К. Лоренца и его юных коллег будет уже наполовину выполнен. Их успех окажется еще более полным, если мы сможем проникнуться идеей, что увиденное нами на этих фотографиях — в значительной мере дело рук человека, создавшего в центре густо населенной страны процветающую популяцию серого гуся, птицы, уже почти не встречающейся в Европе. Так цивилизованный человек из разрушителя природы превращается в ее созидателя.

К. Лоренц, как автор этой книги, отводит себе скромную роль комментатора фотографий Калас; и в каком-то смысле он, вероятно, прав: фотографии необычайно хороши и по-настоящему информативны. И все же следует сказать несколько слов о сопровождающем их тексте, который по степени своего литературного совершенства местами напоминает мне чудесные эссе нашего знаменитого певца природы М.И. Пришвина.

Жанр научной популяризации таит в себе немало серьезных трудностей и главная из них — донести до читателя-неспециалиста квинтэссенцию научной правды, не оттолкнув его при этом педантичной строгостью изложения, по необходимости присущей тому самому исследованию, с которым знакомит нас популяризатор. Как выйти из этого противоречия?

В «Кольце царя Соломона» К. Лоренц писал, что хорошая книга не обязательно должна быть правдивой до пунктуальности. Говоря о том, что наибольшее влияние на него в раннем детстве оказали «Чудесное путешествие Нильса Хольгерссона с дикими гусями» Сельмы Лагерлеф и «Книга джунглей» Редьярда Киплинга, он подчеркивает всю условность этих произведений. Поэты, подобные авторам этих книг, считает Лоренц, могут позволить себе подать животных читателю совсем не так, как того требует научная истина. Они смело разрешают своим героям разговаривать на человеческом языке, даже кладут человеческие побуждения в основу поступков животных, сохраняя при этом у них типичные черты диких существ.

Я думаю, что эти слова в какой-то степени можно отнести и к самому К. Лоренцу, рассказывающему нам сказочно прекрасную быль о жизни серых гусей. В этом увлекательном рассказе ровно столько научной правды, сколько ее должно быть, чтобы повествование не оттолкнуло никого, кто, так или иначе, чувствует свою причастность к красоте окружающего нас мира. И если внимательный читатель обнаружит в книге нечто похожее на очеловечивание животных, то это следует приписать специфике жанра и поистине беспредельной любви К. Лоренца к своим пернатым питомцам.

Е.Н. Панов

Введение

Эта книга — не ученый труд. Конечно, можно сказать, что она родилась из радости, которую дарят мне наблюдения за животными, но в этом нет ничего нового: все мои научные работы имели источником ту же радость. Только с помощью наблюдения, свободного от каких-либо предвзятых идей, ученый способен сделать новые нежданные открытия.

Экспериментатор, ищущий ответа на вопрос, связанный с живой природой, исходит из уже готового предположения, которое он намерен подтвердить или опровергнуть. Однако это предположение обязательно должно основываться на предварительном наблюдении, включающем подсознательный процесс, в котором взаимодействие органов чувств и центральной нервной системы преобразует сенсорную информацию в познание. Ученый, воображающий, будто он уже знает все вопросы, касающиеся природы, чрезвычайно переоценивает человеческую способность логически мыслить. Если такой ученый формулирует свои вопросы, запершись в лаборатории, вдали от бесконечного разнообразия живой природы, легко может случиться, что вопросы эти не заденут ни одной действительно важной проблемы и позволят выяснить лишь побочные и второстепенные моменты. И вот ведутся на диво тонкие и подробные исследования, которые, однако, не затрагивают ничего по-настоящему значимого для живого мира, хотя так много и усердно трудившийся исследователь сам и не способен этого понять.

Лишь очень редко бывает, чтобы за два-три часа на галечном берегу реки Альм с моей гусиной стаей или у себя дома в Альтенберге перед вместительным аквариумом с тропическими рыбками я не заметил чего-то совершенно неожиданного. И для этих новых фактов у меня никогда не находится готового объяснения. Наоборот, они обычно наталкивают меня на новые вопросы, которые требуют дальнейших наблюдений, а зачастую и экспериментальных исследований. Не надо думать, будто этологи вроде меня проводят меньше экспериментов, чем приверженцы других школ, занимающихся изучением поведения животных. Разница заключается лишь в том, что мы исследуем вопросы, которые возникают из конкретных наблюдений за животными предпочтительно в естественной среде обитания.

Простое наблюдение в самом чистом своем виде служит фундаментом для всех исследований, которые мы называем этологическими. Как описание частей организма является основой сравнительной анатомии и морфологии, так описание форм поведения составляет основу сравнительного исследования поведения, иначе говоря — этологии. При любом описательном исследовании, касается ли оно пространственного расположения органических структур или располагающихся во времени отдельных движений живого организма, важную роль играют механизмы нашего собственного восприятия. Подобное изучение включает один из тех познавательных процессов, которые стоят за всеми нашими научными знаниями. Однако, поскольку процесс этот протекает и на уровне подсознания, кое-какие исследователи, чрезмерно полагающиеся только на рациональное мышление, испытывают к нему недоверие. Они не признают, что их собственные гипотезы, как и вопросы, которые они пробуют решить экспериментально, опираются на тот же процесс восприятия. Бытующее в настоящее время презрение к описательным наукам можно объяснить именно полным отрицанием восприятия как источника научных знаний — отрицанием, возведенным прямо-таки в догму.

Возможно, что некоторые ученые — те, кто во что бы то ни стало жаждет сохранить свои исследования «свободными от оценочных суждений», — относятся подозрительно к восприятию просто потому, что восприятие неотделимо от ощущения красоты. Полагать, будто только серое и скучное может быть «научным», — ошибка обычная и трудно поддающаяся исправлению. Среди биологов, внесших в науку действительно выдающийся вклад, наберется лишь горстка таких, кто посвятил жизнь избранному им предмету не потому, что подпал под чары его красоты. Особый дар наблюдательности практически идентичен способности к восприятию и неотделим от особой чуткости к красоте живых организмов.

Гармония, присущая всем живым существам, — вот что привлекает наш интерес. Отрицать это было бы ненаучно, чтобы не сказать — нечестно. Самое строгое объективное описание либо изображение животного или растения все-таки отступает от истины в одном решающем отношении, если оно не делает очевидной красоту этого живого организма. Конечно, описывая или изображая кость, рыбий плавник или крыло птицы, мы вовсе не ставим себе сознательную задачу выразить красоту их структуры. Мы не должны допускать ни малейшего отступления от реальности только потому, что нас на это толкает эстетическое чувство. Но с другой стороны, наше изображение не будет совершенно точно соответствовать реальности, если оно одновременно не выразит красоты, присущей оригиналу.

Ведь красота живого мира всегда присутствует и в наиболее объективном из всех изображений, которое никак не связано с человеческим восприятием, неизбежно окрашенным эмоцией, но создается заведомо бездушным механизмом — фотокамерой. Линзы фотокамеры, носящие техническое название «объектив», являются символом объективности. Неудивительно поэтому, что фотокамера стала незаменимым инструментом во многих объективных науках, но особенно велико ее значение в области сравнительных исследований поведения. В других описательных науках можно фиксировать данные без помощи фотографии. В сравнительной морфологии проводятся измерения и записываются размеры и углы, в сравнительной анатомии в качестве объективных данных сохраняются образцы. Но сравнительному исследованию поведения необходимо описание различных форм движения, фиксирование их, а главное — способ мгновенно их узнавать. И фотография, а также киносъемка служат тут единственным средством объективного документирования — пожалуй, с добавлением магнитофонных записей, важность которых непрерывно возрастает.

Этолог должен научиться снимать фото- и кинокамерой по тем же причинам, которые требуют, чтобы анатом умел приготовить и сохранить препараты, а гистолог — работать с микротомом и окрашивать срезы. Все мои ученики умеют фотографировать куда лучше меня, хотя не все они достигли такого мастерства, как Сибилла и Клаус Калас. И нет человека, который носил бы тяжелую камеру с таким увлечением, как Сибилла: где она, там и камера. Теоретически говоря, для фиксирования различных форм поведения животных кинокамера как будто предпочтительнее, однако нуждам практической повседневной работы этолога фотокамера отвечает в той же мере при условии, что фотограф точно знает, какая часть движения должна быть зафиксирована для дальнейшего анализа, и что камера может делать снимки через достаточно короткие промежутки времени. Киносъемки требуют большой предварительной подготовки и их не удается производить столь же непосредственно, как фотосъемки. А главное, следуя за изучаемым животным, даже самую маленькую, шестнадцатимиллиметровую, камеру невозможно носить с собой в постоянной готовности, фотоаппарат же для этого отлично приспособлен.

Сибилла Калас сделала бесчисленное множество снимков серых гусей ради чисто научных целей. При этом она думала не о красоте объекта, не о художественной ценности ракурса, не об

эффектах освещения, а только о том, чтобы точно и последовательно запечатлеть непосредственно развертывающиеся элементы поведения. Тем не менее ее снимки серых гусей удивительно красивы. Ведь природа прекрасна и не нуждается ни в каких художественных ухищрениях.

Ни одна из фотографий в этой книге не снималась для того, чтобы ее поместили в книгу. В зимние вечера (которые в долине Альма бывают очень длинными) мы, занимаясь научным анализом снимков, вновь и вновь поражались их красоте, а благодаря проектору опять переживали те чудесные часы, когда они были сделаны. Хронологическая последовательность снимков позволяла нам прослеживать годичный цикл точно так же, как мы прослеживали его на наших гусях. Каждая фотография вызывала обсуждения и воспоминания, причем, хотя обсуждения эти были в первую очередь и главным образом научными, мы, конечно, понимали, что фотографии покажутся прекрасными и интересными множеству людей, никакого отношения к нашей науке не имеющих. Вот так родилась идея этой книги. Толчком же к ее созданию явилось предложение «Эдисьон Сток» — издательства, которое первым ее опубликовало.

Как я уже говорил, она представляет собой отнюдь не научный труд, а что-то вроде побочного продукта наших научных исследований. Одно это показывает, какой прекрасной может быть объективная, нисколько не отретушированная правда, если она связана с природой.

И последнее: эта книга уже существовала, когда я начал писать ее текст. Ведь план ее был во всех частностях предрешен фотографиями. В начале нашего века Фриц фон Остини — немецкий поэт, чье имя, к сожалению, кануло в забвение, — написал текст к восхитительным детским сказкам в картинках, созданных художником Гансом Пелларом. Он писал: «Здесь иллюстрации принадлежат поэту, а сказки рассказаны художником». И в нашей книге соотношение между текстом и картинками такое же.

Когда я ушел с поста директора Института физиологии поведения имени Макса Планка, расположенного на озере Эсс-Зе под Штарнбергом в Баварии, мои исследования социального поведения серого гуся (*Anser anser L.*) были еще в самом разгаре. Чтобы дать мне возможность продолжать их, Научное общество Макса Планка создало для меня в моей родной Австрии научно-исследовательскую станцию, первоначально предназначавшуюся только для этой работы с гусями. Я пользуюсь случаем, чтобы выразить Обществу свою глубочайшую благодарность. Приношу также благодарность Кумберландскому фонду и, в частности, его королевскому высочеству принцу Эрнсту Августу Кумберландскому и президенту фонда Карлу Хютмайеру. Как научное учреждение эта станция представляет собой филиал Научно-исследовательского института сравнительного поведения при австрийской Академии наук и носит официальное название «Четвертое отделение социологии животных».

Создание станции в ее настоящей форме и в данном месте стало возможным благодаря любезной помощи Кумберландского фонда. Долина реки Альм в Австрии еще почти не затронута современной технической цивилизацией. Она начинается от озера Альм-Зе (2), лежащего у подножия Мертвой горы и дающего начало узкой и быстрой реке Альм. Километрах в восьми ниже по течению, где речная долина расширяется, по распоряжению Карла Хютмайера было вырыто несколько прудов с довольно большими островами, чтобы гуси могли гнездиться там без помех. Эти искусственные пруды вполне гармонируют со сказочной красотой окружающего пейзажа и предназначены только для наших исследований. Возле прудов стоят три бревенчатых домика с отоплением, в которых летом живут сотрудники, опекающие гусей. Этому небольшому селению гусей и людей мы дали название Обергансльбах (Верхний гусиный ручей).

Еще в нескольких километрах ниже по течению расположено здание собственно научно-исследовательской станции — восхитительная старинная мельница, носящая название Ауингерхоф, которую Кумберландский фонд сдает в аренду Обществу Макса Планка за чисто символическую плату, снабдив ее всем, что требуется для научно-исследовательского учреждения, — темной комнатой для проявления и печатания снимков, кабинетами, помещениями для животных и прочим. Изучаемые животные покидают перестроенную мельницу и возвращаются туда, когда им заблагорассудится (3, 4).

1
В ясные вечера розовеющие горы служат чудесным фоном для наших гусиных прудов в Обергансльбахе.

2
С «верхнего» юго-западного берега открывается широкий вид на озеро Альм-Зе, так что сразу видно, где находятся гуси. Когда мы не пользуемся лодкой, то можем позвать гусей к себе на берег.

3
Институт помещается в Ауингер-хофе. Это старинное здание, построенное в 1776 году и когда-то соединенное с водяной мельницей, стоит между двумя ручьями на берегу озера Альм-Зе. Гуси часто посещают галечные пляжи, окаймляющие озеро в этом месте.

4
Эти молодые гуси были выращены в институте и первые недели жизни ночевали в комнатах своих приемных матерей. Вот почему они часто возвращались в здание даже после того, как поднялись на крыло. Нетрудно заметить, как спокойно и уверенно они себя чувствуют, приводя в порядок оперение, прежде чем расположиться отдыхать на пороге.

Незатронутые цивилизацией речные берега и леса вокруг дали нам возможность расширить наши исследования, включив в них наблюдение за некоторыми крупными млекопитающими в естественных условиях. Чем выше организована социальная жизнь какого-либо вида животных, тем чувствительнее она к нарушениям, связанным с неестественностью среды обитания, особенно если животные содержатся в неволе. Этих нарушений можно в определенной степени избежать, применив к изучению млекопитающих тот же метод, который мы используем в работе с гусями, — наблюдение за прирученными и вскормленными нами особями, которым предоставлена полная свобода. Мы выбрали два вида млекопитающих — кабана (*Sus scrofa*) и бобра (*Castor fiber L.*) — как многообещающие объекты для исследования поведения, поскольку у них, с одной стороны, хорошо развита социальная структура сообществ, а с другой — очень интересны формы инстинктивного поведения.

Как и с гусями, прежде всего необходимо было создать ручные свободноживущие популяции этих двух видов и лишь потом приступить к изучению их социального поведения в естественных условиях. Начинать надо с того, чтобы самим вскармливать детенышей, так как это переориентирует их первые инфантильные побуждения на приемных родителей-людей. Наши кабаны именно так и восприняли своего опекуна Михеля Мартиса и трусят за ним по лесу, словно верные собаки (5, 6). В заповеднике Кумберландского фонда кабаны интенсивно размножаются, и когда нам для работы нужны поросята, мы их тут же получаем. Кабаны, так же как и гуси или собаки, относятся к тем видам, которые совершают значительные передвижения, а потому у них возникают особенно тесные связи с родителями, идущими впереди.

С бобрами дело обстоит иначе. Иногда они уходят за пределы своего обычного участка, если условия меняются в худшую сторону, например если их корм скудеет из-за выпаса скота. А потому даже с прирученными животными нельзя заранее быть уверенным, придется ли им по вкусу местность, где их вырастили, безотносительно к тому, сколько трудов было потрачено, чтобы они стали ручными и привязались к своим приемным родителям. Вдобавок и раздобыть, и выкормить бобрят оказывается много труднее, чем поросят. Только после долгих проб Клаус Калас нашел, наконец, правильную формулу молока для них (7).

Изучение бобров мы вели с двоякой целью — ради науки и ради сохранения природы. Начать с того, что исследование «сотрудничества» бобров при постройке их прославленных плотин обещает увлекательнейшие результаты. Насколько известно в настоящее время, даже самые большие бобровые плотины, которые поднимают уровень воды без малого на два метра, а в длину тянутся на добрые сто, представляют собой результат деятельности одной семьи (или сменявших друг друга семей). Если это так, значит, бобры должны годами трудиться с тем усердием, которое вошло в поговорку. Постройка плотин тем более интересна для исследователей поведения, что этот вид деятельности почти полностью опирается на наследственные инстинкты и реакции.

Что касается аспекта, связанного с сохранением природы, то он представляет особый интерес, так как в Центральной Европе бобры почти исчезли и восстановление их прежних популяций было бы чрезвычайно нужным делом (8). До настоящего времени мы всего лишь выпустили в дикие заросли несколько выросших у нас диких бобров. Выпустить так животных, прирученных и выкормленных нами, мы пока не рискуем и собираемся прежде создать достаточно многочисленную популяцию ручных бобров. Но есть и еще одна причина, почему для наших исследований нужны ручные бобры: бобры, живущие на воле, очень пугливы и выходят из своих хаток только поздно вечером. Это ночное существование, по-видимому, обусловливается опасностями, которыми грозит им окружающая среда; наши ручные бобры выходят из убежищ в час дня.

Порой мы вскармливаем детенышей и других животных — главным образом сирот, которых нам время от времени приносят, — в частности зайчат. Мы выращиваем этих сирот, а затем осторожно, мало-помалу, приучаем их к лесу и выпускаем. Несколько зайцев, которых мы таким образом выпустили, оказались неожиданно сообразительными и шаловливыми созданиями. Они долгое время держались поблизости от станции и крайне медленно приучались обходиться без подкормки. Со своими родными матерями зайчата столь длительной связи не поддерживают, и мать перестает их кормить задолго до того, как они достигнут возраста ручного зайчика на фотографии 9. О кабанах и бобрах мы собираемся со временем рассказать подробнее в двух отдельных книгах.

Исследования, ведущиеся нашей полевой станцией в настоящее время, сосредоточены на сером гусе (10), которым я особенно интересуюсь уже много лет. Серые гуси распространены главным образом в северных районах Европы и Азии. Ближайшая

5
Диких кабанов тоже можно соблазнить лакомством, особенно если его предлагает человек, к которому они привыкли.

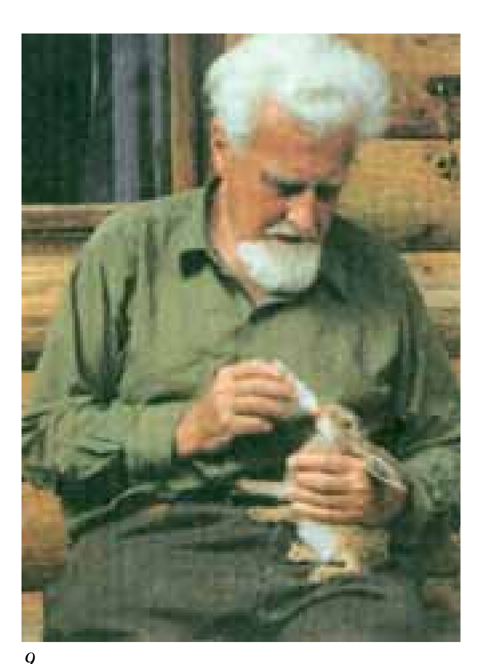
6
Эти два молодых кабана вполне приручены и во время долгих прогулок сопровождают Михеля Мартиса. Они ведут себя дружелюбно и с другими людьми, но всегда безошибочно узнают своего опекуна.

7
Известно, что бобрята, сосущие мать, часто засыпают. Этот выкармливаемый людьми бобренок тоже любит поспать, присосавшись к бутылочке с молоком.

8
Лаури, Мук и Гектор — три ручных бобра, выкормленные Клаусом Каласом, — с удовольствием берут кусочки моркови из рук своего приемного отца.

9
Хотя выкармливать зайчат отнюдь не просто, мы не раз с успехом использовали для этого детскую молочную смесь, добавляя к ней настой ромашки. Этого зайчонка и еще четверых мы выкормили в одной из гусиных хижин Оберганcльбаха, и они держались поблизости еще долго после того, как начали сами находить корм. Развлекаясь, они часто бегали зигзагами по лужку и перепрыгивали через спящих гусей.

10
Гусак Грейф плывет за нашей лодкой по реке Альм, где мы пытаемся отыскать гнездо Сюзи. Когда мы приближаемся к гнезду, он принимает сугубо равнодушный вид, чтобы не выдать свою насиживающую подругу.

местная популяция обитает на озере Нёйзидлер-Зе к востоку от Вены.

Серые гуси, как правило, принадлежат к перелетным птицам, хотя в Шотландии есть необычные популяции, круглый год живущие на одном месте. Маршрут, по которому каждая данная популяция осенью летит на юг, выбирается, по-видимому, не инстинктивно, а выучивается каждым поколением заново. Гуси же, выращенные людьми, остаются с приемными родителями там, где выросли, поскольку те, естественно, не способны показать им маршрут осеннего перелета.

Меня часто спрашивают, почему для столь широких исследований мы выбрали именно серого гуся. Причин много, но важнейшая заключается в том, что его поведение в семейных группах во многих аспектах — аналогично поведению человека в семейной жизни. Спешу добавить, что это утверждение не имеет никакого отношения к очеловечиванию. Мы совершенно объективно — и не без удивления — установили, что образование пары («брак») у серых гусей происходит почти так же, как у нас. Молодой гусак внезапно увлекается какой-то юной гусыней и начинает за ней бурно ухаживать — в чем ему порой очень мешает ее рассерженный отец. Ухаживание это кое в чем до смешного походит на ухаживание влюбленного молодого человека. Молодой гусак всячески показывает свою храбрость: бросается отгонять других гусаков и даже тех, которых обычно побаивается, — но, правда, лишь тогда, когда его избранница может это видеть. В ее присутствии он всячески щеголяет физической силой: взмывает в воздух, чтобы пролететь короткое расстояние, которое всякий, не ослепленный страстью гусь, благоразумно пройдет пешком. К тому же взлетает он гораздо более стремительно, чем любой «нормальный» гусь, а, опускаясь рядом с подругой, тормозит гораздо резче. Словом, он ведет себя совсем как молодой влюбленный на мотоцикле или за рулем спортивной машины. Если гусыня отзывается на его ухаживание, они вместе совершают ритуальную брачную церемонию, так называемую церемонию торжествующего крика. Затем, если не случается ничего непредвиденного, пара хранит верность друг другу до конца жизни. Впрочем, иногда что-то непредвиденное случается — опять-таки совершенно как у людей.

Узы между членами гусиной пары укрепляются общей привязанностью к птенцам, которые в свою очередь столь же преданы родителям. Если в брачный период пара серых гусей лишается кладки или выводка, к ним обычно возвращаются молодые птицы из прошлогоднего выводка, еще не успевшие «заключить помолвку». Лишившись партнера, гусак или гусыня также возвращается либо к родителям, либо к братьям и сестрам, еще не нашедшим пары. Короче говоря, поведение серых гусей содержит много интересного для нас, а не просто ставит перед нами ряд загадок.

Кроме того, есть одно обстоятельство, благодаря которому социальное поведение серого гуся особенно подходит для этологического изучения: серые гуси, выращенные людьми с момента выхода из яйца, переносят на приемного родителя ту привязанность, которую в естественных условиях проявляют к настоящим родителям. Пусть это покажется сентиментальным, но можно наглядно убедиться, что наши серые гуси остаются там, где нам это нужно, главным образом из-за прочной дружбы с вполне конкретными людьми.

Долина Альма, где мы решили устроить наше новое гусиное поселение, в одном отношении чрезвычайно удобна для популяции, которая не мигрирует осенью на юг. Озеро Альм-Зе питается ключами, бьющими с большой глубины, и они настолько теплы даже зимой, что озеро никогда полностью не замерзает. Пруды заповедника Кумберландского фонда и наши собственные пруды в Обергансльбахе получают воду, просачивающуюся сквозь толстый слой гальки из реки Альм. Поэтому зимой они остаются чистыми ото льда.

Менее благоприятное обстоятельство заключается в том, что долина Альма представляет собой узкое горное ущелье, и открытые лужки, где могут кормиться гуси, имеются лишь рядом с Обергансльбахом, вокруг самого озера Альм-Зе и возле научно-исследовательской станции на Ауингерхофской мельнице. Теперь гуси научились пользоваться именно этими участками и регулярно перебираются с одного на другой.

Переселить колонию серых гусей с озера Эсс-Зе в Баварии, где она прочно обосновалась под эгидой Института имени Макса Планка, на новое место в Австрии было не так-то просто. История переселения интересна сама по себе. Для перевозки гусей из Зеевизена (Бавария) в Грюнау (долина Альма) мы воспользовались их привязанностью к приемным родителям. Весной 1973 года у нас было четверо полных энтузиазма приемных родителей для гусей — три девушки, готовые вести по гусиной стае каждая, и один молодой человек, тоже со своими гусятами. Им предстояло заняться переездом в апреле, когда в кладках серых гусей начинается проклевка. Приемных детей необходимо было доста-

вить в долину Альма прежде, чем они поднимутся на крыло, поскольку для любой птицы родной дом находится там, где она впервые взлетает и исследует окрестности сверху. Это в свою очередь установило срок переброски первых гусей в Австрию — до конца июня. Однако хижины у прудов еще не были закончены, и наши «матушки-гусыни» героически устроились в сарайчике с кормушками, боковые стенки которого представляли собой сквозную решетку. Ветер и туман беспрепятственно проникали в сарайчик, и дождь — тоже, если ветер бывал сильным. А в долине Альма даже в июне хватает ветра, тумана и дождей.

Вместе с четырьмя стаями выращенных людьми гусят этого года мы перевезли несколько групп из прошлогодних выводков, которые воспитывались теми же приемными родителями, а потому были к ним привязаны достаточно крепко. Кроме того, мы взяли несколько гусиных семейств с еще неоперившимися птенцами, твердо рассчитывая, что родители их не покинут и не улетят. Сначала все птицы привыкали к перемене в большом авиарии Кумберландского фонда, на берегу пруда в пределах заповедника, примерно в километре ниже по течению от нашего кормового пункта. Но едва мы через несколько дней выпустили их, как тут же возникли трудности. Гуси, выращенные год назад, немедленно кинулись к своим приемным родителям и остались с ними, но семьи с птенцами, пытаясь вернуться домой, забредали очень далеко, и каждый день их приходилось гнать назад, к пруду, — операция весьма сложная и трудоемкая. Однако обойтись без нее было нельзя, так как только на этом пруду им не угрожали лисицы, которых в долине множество. Мало-помалу и эти гуси научились доверять приемным родителям, и мы перевели их с пруда у авиария к сараю с кормушками — исходному центру нашей новой гусиной колонии.

Когда все взрослые гуси после линьки вновь обрели способность летать, они начали исследовать окрестности вместе с гусятами этого года, которые уже поднялись на крыло. К началу осени они совершенно освоились, и когда их друзья перебрались в здание станции, они автоматически последовали за ними и оставались поблизости, улетая ночевать на более обширные водоемы — в основном на озеро Альм-Зе. С тех пор это поведение стало традиционным. В летнее время центром гусиной колонии служат хижины у наших прудов, зимой — старая Ауингерхофская мельница. В какой-нибудь погожий осенний день гуси вдруг появляются возле мельницы еще до того, как туда переберутся

люди. Но надолго они там остаются только когда в здании поселяются сотрудники.

После первого сильного снегопада в начале зимы гуси уже избегают лужков, где можно провалиться в глубокий снег, затрудняющий взлет. Они предпочитают не рисковать и держатся на свободных от снега галечных берегах реки Альм.

В это время года они ночуют на широком плесе озера Альм-Зе, где им не угрожают лисицы, и каждое утро летят с озера вниз по долине. Озеро лежит примерно в восьми километрах от Ауингерхофской мельницы и почти на сто метров выше. Во время этого утреннего полета гуси остаются на высоте места, с которого они взлетели, или же поднимаются еще выше. Благодаря множеству вертикальных воздушных потоков в этой горной местности они могут без особых усилий подняться на значительную высоту, и им это, видимо, очень нравится. Кроме того, они в какой-то мере удовлетворяют осеннее и весеннее стремление к перелету, покружив над заснеженными горами (11), прежде чем опустятся рядом с нами на галечном берегу неподалеку от здания станции.

Я наблюдал это зрелище бесчисленное множество раз, но оно по-прежнему завораживает меня: полет свободных птиц, направляющихся издалека прямо ко мне. Ведь большинству людей доводится видеть диких животных только сзади! Повсюду, где человек приходил в соприкосновение с дикими животными, они начинали опасаться его, как самого грозного, самого беспощадного хищника. Вряд ли отыщется животное, пусть очень крупное и сильное, пусть хорошо вооруженное, которое не обратится в бегство, заметив приближение человека. Только там, где человек совершенно неизвестен, местные животные подходят к нему с полным доверием, хотя оно обычно оказывается обманутым. Нужно отправиться на Галапагосские острова или в Антарктиду, чтобы отыскать животное, которое подпустит к себе человека почти вплотную, вместо того чтобы сразу убежать или улететь.

Тот, кто неожиданно столкнется в лесу с крупным млекопитающим, на миг увидит перед собой морду, исполненную ужаса. Почти вся она состоит из органов чувств: большие поставленные торчком уши, широко раскрытые глаза, раздутые ноздри. Еще миг — и уже видны только качающиеся ветки да в лучшем случае быстро исчезающий круп. Птицы, особенно большие, вроде ястребиных, вороновых и водоплавающих, в естественных условиях, пожалуй, даже более пугливы, чем млекопитающие. Чтобы

увидеть их вблизи — и сфотографировать, — приходится использовать хитрые приемы охотников: либо подкрадываться с величайшей осторожностью, либо сооружать в удобном месте хорошо замаскированное укрытие.

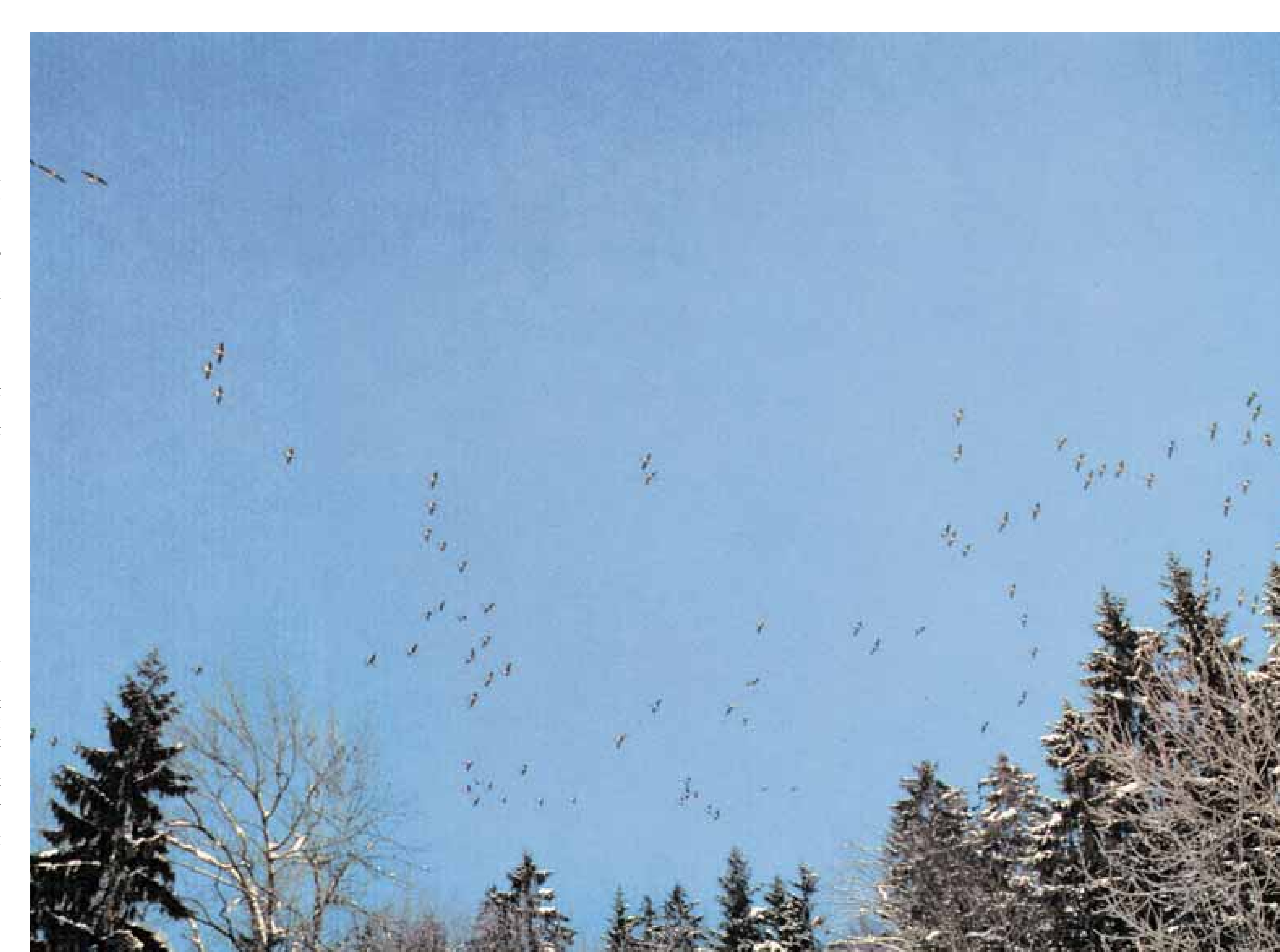
Человек считает себя владыкой земли, да так оно и есть, хотя, к сожалению, лишь в указанном выше смысле, причем только на суше. Я прекрасно помню случай, когда я наивно попытался прогнать барракуду, которая в ответ просто приняла угрожающую позу и показала зубы. Это дало мне возможность проверить, какую скорость удается развить в ластах, плывя ногами вперед.

Помимо таких неприятных исключений, человек не может близко подойти к обитающему на воле животному, не спугнув его. Он изгнан из рая мирного соседства с остальными живыми существами. И когда животные, обитающие на воле, приближаются ко мне издали не потому, что не заметили меня, а, наоборот, именно потому, что увидели и услышали меня, это равносильно возвращению изгнанника в рай.

Я стою в долине Альма, в том месте, куда мы иногда выходим навстречу гусям. Утро только занимается, горные вершины уже озарены солнцем, но долину еще окутывает серый рассветный сумрак. Прямо передо мной повисла облачная гряда. И вдруг в вышине над головой раздаются крики летящих гусей. Я испускаю ответный крик, и гуси откликаются. Я даже распознаю голос белого гуся. Одно время среди наших гусей жила белая гусыня по кличке Арко, которая, к сожалению, предпочла вернуться в Институт имени Макса Планка в Зеевизене. Но тогда Арко еще гостила у нас и присоединялась к утреннему полету серых гусей. Едва я услышал ее крик, как она тут же возникла в голубой прорехе между облаками, высвеченная солнцем, сияя, словно белая звезда, высоко в небе. Мгновение спустя Арко вновь скрылась за облаками, но она услышала меня, а легкое движение ее головы сказало мне, что, кроме того, она меня и увидела. Несколько секунд спустя большая белая птица вынырнула из облаков и стремительно опустилась на землю почти рядом со мной. Тем временем серые гуси продолжали лететь вниз по долине, пока не достигли конца облачной гряды, но тут они круто опустились и полетели назад ко мне уже под облаками.

Сейчас, осенью, когда я пишу эти строки, множество гусей каждое утро прилетает на Ауингерхофскую мельницу с озера Альм-Зе, где они ночевали. Стремительно упав с большой высоты, они опускаются на лужок перед домом. Это происходит с той

11
Осенью и зимой гуси летают тесным строем. В очень холодную погоду они в полете прячут лапы в боковые перья и приобретают своеобразный «безногий» вид.

12
Гуси появляются в небе над заснеженным лесом, медленно планируют вниз и приземляются, резко выкинув вперед крылья характерным «колоколом».

же неизменной регулярностью, с какой день сменяет ночь, и мы соорудили на лужке удобную скамью и стол в самом выгодном для наблюдения месте. Когда я бываю в Грюнау, я каждое утро сижу там и жду их. И всякий раз появление гусей вызывает у меня все ту же радость и то же непреходящее изумление. Взмахи их крыльев замирают, и они планируют вниз (12), прежде чем стремительно спикировать и опуститься на землю рядом со мной.

Даже в самую холодную погоду гуси сохраняют верность не только этому месту, но и своим специфическим привычкам. Низкие температуры их не смущают (13), поскольку, как я уже говорил, температура воды в реке и озере всю зиму остается много выше точки замерзания. В холодные дни река дымится, и эти водяные пары конденсируются на деревьях и кустах по берегам, одевая их восхитительной бахромой инея. Если выглядывает солнце, более чарующую картину невозможно вообразить. В морозы гуси чаще всего стоят в воде, согревая лапы. Ледяные бусинки, иногда образующиеся на перьях головы, они удаляют, «принимая ванну» (14).

Нигде весна не бывает так прекрасна, как в Альпах. Снежный ковер буквально за одну ночь сменяется настоящей выставкой цветов. Едва возникнут первые проталины, как распускаются морозник (15), удивительные цветки белокопытника (16) и нежные чашечки шафрана (17).

Весеннее пробуждение сказывается и на гусях — приходит время любви. Молодые гуси начинают отделяться от семейных групп отчасти по собственной инициативе, отчасти потому, что их родители готовятся обзавестись новым выводком и их больше не привлекает общество подросших детей. Едва обретшие независимость молодые гусаки подходят к своим избранницам и принимают характерную позу, вытягивая шею вперед и загибая ее вниз (18).

Юный самец терпеливо продолжает свое ухаживание — иногда по нескольку дней, но потом начинает проявлять некоторую фамильярность и обращает к своей будущей супруге так называемый торжествующий крик: приближается к ней, далеко вытянув шею, и испускает особый гогот. Часто это выражение нежности предваряется выпадом, направленным в сторону другого гусака. Подчас трудно избежать ощущения, что гусак старается произвести впечатление на избранницу своей храбростью (19).

Сперва гусыня никак не отвечает на это изъявление нежности. Собственно говоря, она как будто даже побаивается гусака.

13
Когда зимой в морозные дни солнце выглядывает из-за горы, над относительно теплой водой озера Альм-Зе повисает туманная дымка. В такие дни гуси стоят в воде, согревая лапы.

14
Выйдя для кормежки на берег озера, гуси сразу же садятся и прячут лапы в боковые перья. Если они только что приняли ванну, как этот выкормленный людьми гусак Нильс, капли воды на перьях тотчас замерзают и гуси сощипывают их клювом.

Но через некоторое время она начинает — сначала робко, а затем со все большим рвением — присоединяться к его крикам. Теперь можно считать, что «помолвка» состоялась. Вышеописанная церемония приветствия будет повторяться опять и опять, особенно когда пара воссоединяется после какого-нибудь потрясения — долгой разлуки, например, или будоражащего полета с другими гусями. Чем больше возбуждение, тем интенсивнее крики. Вот почему Оскар Хейнрот и придумал для описания этого ритуала термин «торжествующий крик» (20).

Чаще всего пара серых гусей блюдет свой союз до смерти. Однако «нечто непредвиденное» может обернуться и тем, что гусак или гусыня вопреки уже существующей «помолвке» или даже окончательному «бракосочетанию» страстно «влюбится» в другого партнера. Подобная измена обычно случается, только если сама эта пара образовалась не совсем ладно, например, когда гусак лишился своей первой возлюбленной и нынешняя его партнерша была лишь заменой. Много лет наблюдая за гусями, мы всего трижды были свидетелями того, как распадалась пара, которая уже благополучно выводила птенцов. Любопытно, что в двух из этих случаев соблазнителем был один и тот же гусак по кличке Адо.

Два гуся, выращенные разными приемными родителями и, согласно нашим обычаям, носящие их имена, — гусак Янош Фройлих и гусыня Сюзанна-Элизабет Брайт — образовали пару и успешно вывели птенцов весной 1973 года. Эта пара и один их отпрыск были переведены в Грюнау, однако осенью 1973 года все трое улетели, а весной 1974 года родители вернулись одни. В суматохе переезда в Австрию более старый и сильный гусак Адо потерял свою «жену», вернее — «невесту», так как они еще не выводили птенцов. Янош был много слабее Адо и не смог помешать неверной Сюзанне-Элизабет покинуть его ради Адо. В 1976 году Адо и Сюзанна-Элизабет устроили гнездо на озере Альм-Зе, но тут вмешалась судьба в образе лисицы. Однажды утром мы нашли в пустом гнезде нижнюю часть туловища Сюзанны-Элизабет, а глубоко горюющий Адо неподвижно стоял поблизости.

Гуси обладают поистине человеческой способностью испытывать горе, и я категорически отрицаю, что сказать так — значит впасть в недопустимый антропоморфизм. Да, конечно, заглянуть в душу гусям нам не дано, а животное не может словесно излить нам свои чувства. Но ведь то же относится и к маленьким детям, однако, Джон Боулби в своей знаменитой работе о мла-

15
Даже в декабре и январе можно отыскать бутоны морозника черного (Helleborus niger L.), особенно на откосах южного берега озера Альм-Зе. Его великолепные цветки раскрываются, едва на исходе зимы и ранней весной появятся первые проталины.

16
Белокопытник гибридный (Petasites hybridus L.) также цветет очень рано. Его соцветия поднимаются над землей еще до того, как развернутся листья, такие заметные летом и осенью.

17
Примерно тогда же можно увидеть изящные чашечки шафрана (Crocus albiflorus L.), порой тысячами покрывающие лужки.

денческом горе убедительно показал, насколько интенсивно горюют малыши. Весьма вероятно, что их горе глубже и сильнее, чем у взрослых, так как они еще не способны обрести утешение в рациональных рассуждениях. Собака, чей хозяин уехал по делам, тоскует так, словно он покинул ее навсегда, — ведь у хозяина нет средств объяснить собаке, что он вернется через неделю. Надолго оставленная собака получает такую тяжелую эмоциональную травму, что даже не может бурно радоваться возвращению хозяина. Нередко минуют недели и даже месяцы, прежде чем такая собака обретает прежнюю живость, а порой следы травмы сохраняются навсегда. В эмоциональном плане животные гораздо ближе к нам, чем обычно считается. Способность рационально мыслить — вот где лежит пропасть, разделяющая людей и животных. Читая лекции и разговаривая с людьми, не имеющими отношения к нашей науке, я часто повторяю: «Животные гораздо менее умны, чем вы привыкли думать, но в чувствах и эмоциях они куда меньше отличаются от нас, чем вы считаете».

Это мнение подтверждается и тем, что нам известно о структуре и функциях различных отделов мозга. У людей, как и у животных, способность к рассудочной деятельности связана с передним мозгом, а эмоциональный центр лежит в более глубоких участках мозга. Эти глубокие участки у человека, в сущности, мало отличаются от соответствующих участков у животных, тогда как в степени развития полушарий переднего мозга между ними существует колоссальная разница.

Объективные физиологические симптомы глубоких эмоций — особенно горя у таких животных, как гуси и собаки, — практически те же, что и у людей. Тонус симпатического отдела вегетативной нервной системы снижается, а парасимпатического (прежде всего блуждающего нерва) повышается. В результате общая возбудимость центральной нервной системы уменьшается, мышцы утрачивают упругость, глаза западают в орбиты. Человек, собака, гусь в буквальном смысле слова вешают голову, теряют аппетит и остаются равнодушными ко всем стимулам, исходящим от окружающей среды. Горюющие люди, а также гуси легко становятся жертвами несчастных случаев. Первые гибнут в автокатастрофах и под колесами машин, а вторые задевают провода высокого напряжения или попадают в зубы хищникам, потому что чувство самосохранения и осторожность у них притупились.

18
Гуси начинают ухаживание ранней весной в теплые солнечные дни. Старый гусак на этой фотографии обходит подругу, характерно изогнув шею, на которой ясно видны ложбинки между перьями. В этот период клюв и лапы приобретают ярко-красную окраску.

19
Гусак Траун, только что вернувшийся после трехлетнего холостяцкого пребывания на озере Траун (почти в тридцати километрах от Обергансльбаха), исполняет ритуал торжествующего крика перед Люсией. Молоденькая гусыня, недавно покинувшая свою семейную группу, еще робка и не отвечает ему.

Горе, кроме того, сильнейшим образом воздействует на социальное поведение гусей. Охваченный горем гусь не в состоянии защищаться от нападений других гусей. Если такой гусь занимал высокое положение в жесткой социальной структуре гусиной колонии, его внезапная беззащитность сразу же будет замечена и использована теми, кто стоял ниже. Его будут теснить и дергать буквально все, и в стороне не останутся даже слабые и трусливые члены стаи. Другими словами, он окажется в самом низу иерархической лестницы и станет, согласно терминологии специалистов по поведению животных, «гусем-омегой».

Как я уже упоминал, лишившиеся партнера гуси обычно стараются вернуться в лоно родительской семьи. Когда старый гусак, вскормленный людьми много лет назад и на протяжении долгого и счастливого «брака» не проявлявший никакой особой привязанности к своему приемному родителю, после потери подруги внезапно возвращается, томимый горем, к своему другу-человеку, это производит глубоко трогательное впечатление. Адо воспитали не приемные родители, а родная мать, но она давно умерла. К тому же он не был особенно ручным, во всяком случае, не настолько, чтобы брать корм у нас из рук. И тем трогательнее было, что после гибели Сюзанны-Элизабет летом 1976 года он упорно искал моего общества, хотя знал меня меньше, чем Сибиллу Калас или Бригитту Кирхмайер. Надо сказать, я не сразу заметил, что стоило мне отойти от стаи серых гусей, помыкавших беднягой Адо после его иерархического падения, как он робко крался за мной следом, весь тоскливо съежившись, и застывал в неподвижности шагах в десяти от меня.

Остаток 1976 года Адо провел в грустном одиночестве. Зато весной 1977 года он внезапно очнулся и начал бурно ухаживать за гусыней по кличке Сельма. У нее уже был постоянный партнер, и в предыдущее лето она со своим «мужем» Гурнеманцем вывела трех птенцов. Однако эта ветреная гусыня ответила на страсть Адо взаимностью, и разыгралась крайне необычная для гусей драма ревности.

В распоряжении любого «законного» мужа или жениха, чья гусыня проявляет интерес к другому гусаку, есть несколько форм поведения, к которым он может прибегнуть, чтобы помешать ей уйти к сопернику. Он может не отходить от нее, куда бы она ни шла, и становиться ей поперек дороги, если она вздумает направиться к другому гусаку (21). Совершенно выведенный из равновесия, он может даже ущипнуть ее, чего при нормальных обстоятельствах никогда не сделает (22).

20
Даже если речь идет о давних парах, как, например, Сельма и Гурнеманц, гусыня часто не отвечает на торжествующий крик своего гусака с достаточной интенсивностью. Однако в отличие от молодых пар здесь гусак, продолжая кричать, может подойти к своей подруге очень близко и даже прикоснуться к ней.

21
Прогнав своего соперника Адо (на заднем плане), Гурнеманц возвращается к Сельме и испускает торжествующий крик. Сельма пытается отойти к Адо, но Гурнеманц раз за разом преграждает ей путь. «Приниженное», согнутое положение шеи выдает неуверенность Сельмы.

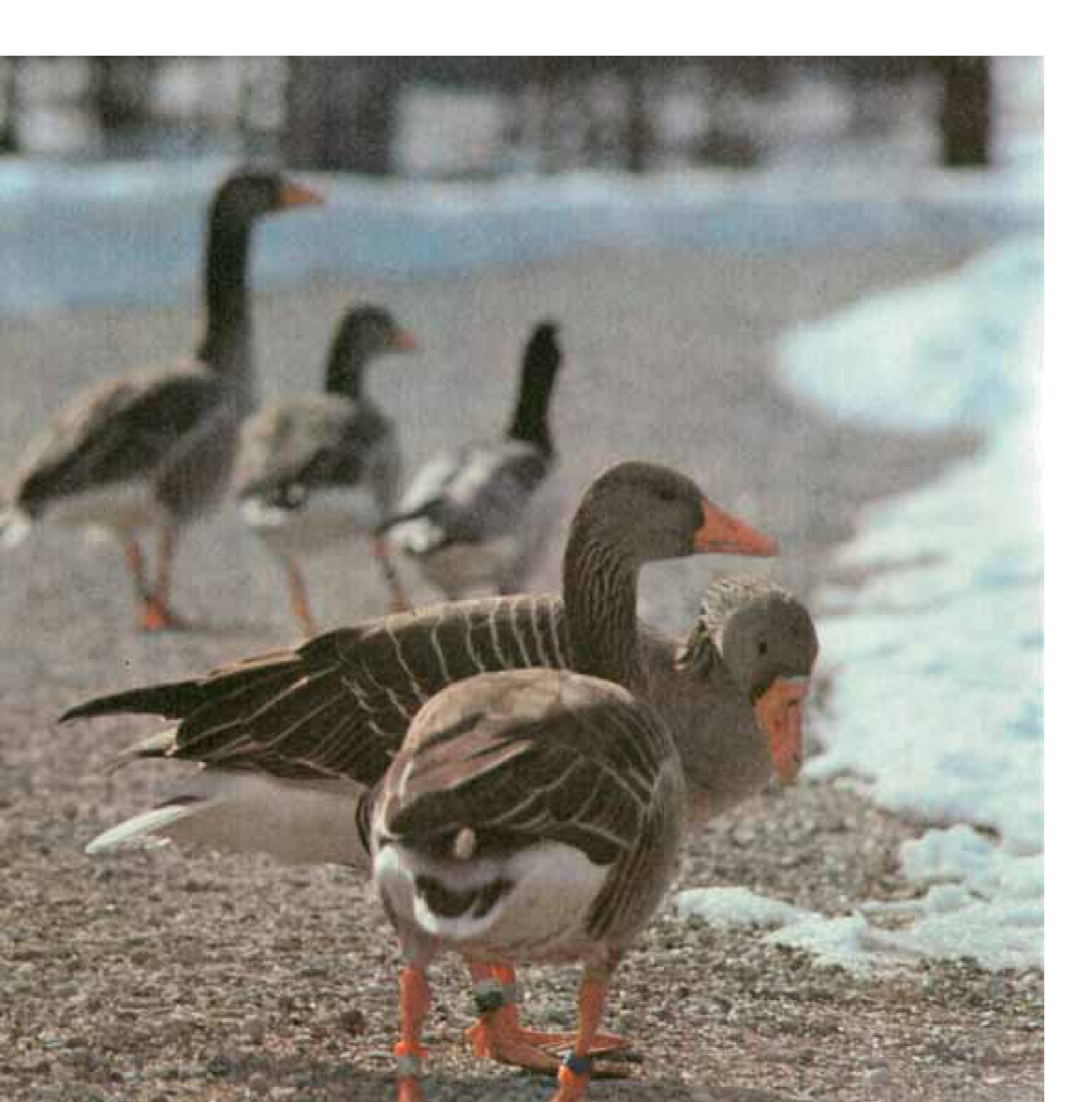

22
Приближаясь к Сельме с торжествующим криком, Гурнеманц настолько возбужден, что щиплет ее. Адо и тут виден на заднем плане — его шея вытянута в демонстративной позе.

23
Драма ревности с участием Сельмы, Гурнеманца и Адо длилась почти две недели. Сначала Гурнеманц пытался прогнать Адо в воздухе. Но Сельма летела за своим возлюбленным, и после бурной воздушной погони все трое опускались на землю совсем измученные. На этой фотографии Гурнеманц вновь преграждает путь Сельме. Члены гусиной стаи (на заднем плане) с большим интересом наблюдают за происходящим.

24
Вновь Гурнеманц в крайнем возбуждении щиплет Сельму. Перед ними Адо, все еще не вполне уверенный в ситуации, идет, втянув шею.

25
В тот же вечер Гурнеманц быстро ходит взад и вперед в крайне «приниженной» позе между Сельмой и Адо, отчаянно пытаясь удержать подругу даже после поражения в драке с соперником. Адо на заднем плане стоит в демонстративной позе.

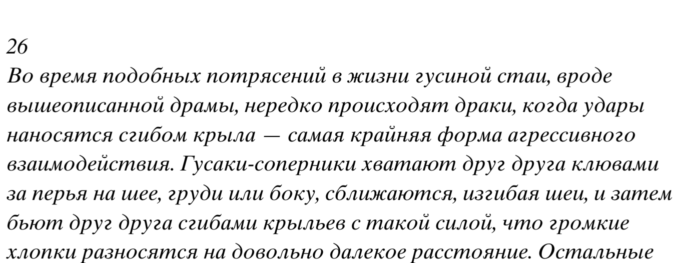

Я могу хоть сейчас продемонстрировать такое поведение у гуменника (*Anser fabalis L.*), который ревнует ко мне свою подругу Камиллу. Ей без малого три года, но она всячески выражает мне почти детскую привязанность. Едва завидев меня, она бежит навстречу, чтобы поздороваться. Несмотря на эти детские порывы, год назад она завязала прочные отношения с Кальвином, гусаком-гуменником, и ему не нравится, что его «невеста» дружески приветствует кого-то другого, пусть даже человека. И для просвещения моих посетителей мне достаточно позвать Камиллу и принять ее приветствие, чтобы Кальвин тут же продемонстрировал весь спектр ревнивого поведения, описанного в предыдущем абзаце.

Гусак, вынужденный оберегать свою подругу таким способом, оказывается в очень трудном и сложном положении. Он не может оставить гусыню и ринуться в бой с соперником, потому что стоит ему отойти — и изменница его покинет. Он не может как следует питаться, и если драма затягивается на недели, худеет прямо на глазах. От зари и до поздних сумерек эти гусиные «трио» движутся быстрой процессией то там, то тут: соперник, осчастливленный вниманием гусыни, впереди, за ним она сама, а гусак ревниво держится между ними (23, 24, 25).

Драки между соперничающими гусаками становятся особенно жаркими, если гусыня еще не решила, кого ей предпочесть. Самые яростные драки, какие я могу припомнить, происходили между гусаками Блазиусом и Марксом из-за гусыни Альмы. Они были равны по силам, и Альма явно колебалась, кого из них выбрать.

Мне довелось наблюдать воздушный поединок между этими гусаками, который легко мог кончиться трагически. Гуси отлично вооружены для воздушных боев: один взмывает выше другого, пикирует, как сокол, и, проносясь совсем рядом, норовит ударить противника сгибом крыла (анатомическим эквивалентом нашего запястья). В этой дуэли двух братьев Маркус ухитрился в воздухе ударить Блазиуса сгибом крыла в основание шеи. Именно там находится нервное сплетение, обслуживающее крыло. Оно было полностью парализовано, и Блазиус рухнул с двадцатиметровой высоты. К счастью, он упал в воду. Упади он на камни или на галечный пляж, он, несомненно, разбился бы. А так паралич оказался временным, хотя его крыло бессильно висело еще несколько дней. Тем не менее этот случай свидетельствует о том, что драка между соперничающими гусаками легко может

26
Во время подобных потрясений в жизни гусиной стаи, вроде вышеописанной драмы, нередко происходят драки, когда удары наносятся сгибом крыла — самая крайняя форма агрессивного взаимодействия. Гусаки-соперники хватают друг друга клювами за перья на шее, груди или боку, сближаются, изгибая шеи, и затем бьют друг друга сгибами крыльев с такой силой, что громкие хлопки разносятся на довольно далекое расстояние. Остальные гуси проявляют к таким происшествиям очень большой интерес и внимательно следят за дракой, нередко гогоча при этом.

кончиться гибелью одного из них. Вряд ли стоит добавлять, что, одержав победу, Маркус увел с собой невесту.

На земле драка принимает иную форму. У серого гуся есть два вида оружия: клюв, которым он больно щиплется, и сгиб крыла, снабженный запястным выростом шипообразной формы, который покрыт толстым роговым слоем. Дерущиеся гусаки ухватывают друг друга клювами, обычно за шею (26), и тянут, сближаясь, пока не оказываются на расстоянии, удобном для нанесения ударов сгибом крыла. Одно крыло широко раскрыто и отведено назад как противовес, а другое согнуто в кистевом суставе так, чтобы шпора была нацелена на противника (27). Звонкие хлопки ударов разносятся на большие расстояния, и к дерущимся возбужденно кидаются другие гусаки (28, 29, 30).

Особенно любят наблюдать эти драки гуси, стоящие на низших ступенях иерархической лестницы; гуси же, занимающие высокое положение, иногда, не довольствуясь ролью зрителя, вмешиваются в драку — но только если они особенно самоуверенны и храбры. Чаще всего они присоединяются к драке, когда ей предшествовали описанные выше ревнивые маневры, поскольку такое нарушение порядка в стае, по-видимому, выводит их из равновесия.

Обычные драки за положение в иерархической системе доминирования редко переходят в стадию поединков с использованием сгиба крыла, но и в таких случаях длятся лишь несколько минут. Драка же между двумя гусаками, ухаживающими за одной гусыней, может длиться более четверти часа, и к концу оба противника бывают совершенно измучены. Нередко, если такой бой завершается вничью, он возобновляется на следующий день.

Наиболее ожесточенные драки возникают в двух совершенно особых ситуациях. Первая — между двумя гусаками, которые до этого, несмотря на принадлежность к одному полу, были связаны церемонией торжествующего крика. Их «любовь» внезапно превращается в «ненависть», предвещая драку, причем такая ненависть может не угасать годами. Каждый раз, когда мы замечали неутолимую личную ненависть между двумя гусаками, внимательное изучение прошлых записей показывало, что прежде их связывали узы торжествующего крика.

Вторая ситуация, ведущая к чрезвычайно ожесточенным дракам, уже упоминалась: она возникает, когда за гусыней ухаживают два гусака, а она никак не сделает окончательного выбора.

27
Стараясь достать противника крылом, дерущиеся гусаки держат туловище как можно вертикальнее, иногда опираясь на хвостовые перья.

28, 29, 30, 31
Обмен мощными ударами сгибом крыла продолжается до тех пор, пока один из противников не уступит и не обратится в бегство.

Так, Сельма неоднократно колебалась, отдать ли предпочтение своему «законному мужу» Гурнеманцу или новому поклоннику Адо. Это и привело к бешеной драке, которую Сибилла Калас увековечила на фотопленке.

Драка эта возобновлялась на протяжении нескольких дней, но, наконец, когда Адо попытался крепко ухватить Гурнеманца за шейные перья, тот сдался и бежал (31). После этого Адо-победитель стоял, надуваясь гордостью, в поистине орлиной позе, и роговые выросты на его развернутых крыльях выступали так, словно он грозил врагу кастетом (32).

Отбежав на безопасное расстояние, побежденный Гурнеманц опустился на землю в полном изнеможении (33). Тут на него набросились гуси, прежде занимавшие по отношению к нему подчиненное положение. Бедный гусак, потеряв подругу в схватках, не сумел защититься даже от самых слабых противников. Вместе с женой он потерял и свое положение в гусином обществе — точно так же, как Адо за два года до этого.

Собственно брачный период наступает вскоре после бурного времени образования пар, полного ревности и драк, но четко от него отличается. Пары отделяются от стаи и начинают отыскивать место для гнезда. При этом разные особи нередко демонстрируют весьма различные вкусы и склонности. Почти все наши гуси гнездятся у северной оконечности озера Альм-Зе, неподалеку от вытекающей из него речки, на болотистых островках среди камыша и осоки. Лишь несколько пар выводят птенцов в гнездовых лисонепроницаемых ящиках, которые мы соорудили для них на прудах Обергансльбаха. А потому, как наглядно свидетельствует фотография 34, лучше всего для наблюдения брачного и гнездового поведения подходит озеро.

Брачная прелюдия начинается с того, что гусак принимает гордую позу, приобретая некоторое сходство с лебедем-шипуном. Он приподнимает крылья, изящно изгибает шею и топорщит перья на ней так, что становятся видны ложбинки между их рядами (35). В этой позе гусак погружает голову глубоко в воду (36). Гусыня в ответ также начинает погружать голову, сначала робко и совсем немного, а затем с непрерывно возрастающим возбуждением (37). Наконец она принимает распластанную позу, подставляя гусаку шею (38). Он крепко зажимает шею гусыни клювом, взбирается на нее, и происходит копуляция (39, 40).

В укреплении уз, связывающих супружескую пару серых гусей, этот момент играет относительно небольшую роль. Иногда рано развившиеся гуси копулируют уже в первый год жизни, но

это не оказывает никакого влияния на будущий выбор гнездового партнера. Если же двое молодых гусей совершают ритуал торжествующего крика, можно с почти полной уверенностью предсказать, что в дальнейшем они образуют пару. «Любовь и секс» существуют в гусиной жизни раздельно. Сочетаясь, они надежно связывают пару, но довольно часто наблюдаются и независимо друг от друга. Типичная ситуация такого рода бывает, например, в отнюдь не редком случае, когда два гусака «влюбляются друг в друга» до такой степени, что совершают ритуальную церемонию торжествующего крика. Но их поведение никогда не носит сексуального характера. Анатомически они могли бы принять позу спаривания, но тем все и ограничивается, так как ни тот ни другой не принимают распластанную позу гусыни. Иногда дело доходит до стадии погружения шеи в воду, но затем оба стараются взобраться друг на друга и вскоре оставляют эти попытки, порой не без небольшой стычки. В любом случае связывающие их тесные узы никакого ущерба от этой «мелкой неудачи» не терпят.

Естественно, такие пары гусаков намного превосходят обычные пары смелостью и боевой силой, поскольку гусак не только смелее и агрессивнее любой гусыни, но тяжелее и мощнее ее. Пары гусаков всегда занимают высокое положение в иерархии гусиной стаи. А потому очень часто случается, что не имеющая партнера гусыня под впечатлением побед этих двух героев «влюбляется» в одного из них. При нормальных обстоятельствах активное ухаживание ведет гусак. Гусыня же только принимает ухаживание, а потому в распоряжении влюбленной гусыни нет никакой системы поведения для того, чтобы снискать внимание возлюбленного. У нее нет приемов, к которым, как мы видели, прибегает гусак. Гусыня может только будто бы случайно держаться где-нибудь поблизости от своего избранника и внимательно следить за ним глазами. («Игра глазами», по-видимому, занимает важное место в жизни серых гусей, как и в жизни других птиц.)

Порой, после уже описанной безуспешной попытки пары гусаков, влюбленная гусыня тотчас подплывает к ним, принимает распластанную позу, и в результате один из них копулирует с ней. Она может повторить этот маневр несколько раз, такое поведение может стать привычным, и создаются весьма необычные взаимоотношения. Оба гусака по-прежнему держатся вместе, а за ними в некотором отдалении незаметно следует одинокая гусыня. Она не принимает участия в торжествующем крике двух гу-

32
Если более сильному гусаку удается прогнать соперника, он часто принимает и долго сохраняет «позу победителя», а затем возвращается к своей подруге с громким торжествующим криком. На фотографии ясно видны твердые роговые выросты на сгибе крыла, которые используются в драке.

33
После того как Адо окончательно отбил Сельму, Гурнеманц совсем пал духом. При виде своего былого соперника он сразу же прижался к земле в позе крайней покорности. Гуси принимают эту позу как выражение безоговорочной капитуляции в ситуациях сильного стресса или большой физической усталости.

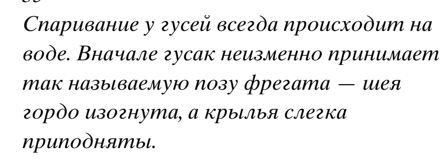
саков, но иногда тот или другой с ней спаривается. Однако после этого гусак никогда не демонстрирует великолепную церемонию, которая обязательно следует за спариванием гусака и гусыни, связанных торжествующим криком и, значит, «влюбленных».

В подобной ситуации нам довелось однажды наблюдать крайне странное поведение гусака. Узы торжествующего крика могут связывать трех гусаков, и в Зеевизене как раз был такой сплоченный мужской триумвират — Макс, Копфшлиц и Одиссей, — который правил всей гусиной колонией на озере Эсс-Зе. Между Одиссеем и гусыней Оной возникла «связь без любви» описанного выше типа. Он имел обыкновение регулярно спариваться с ней в определенном уголке несколько в стороне от мест, предпочитавшихся триумвиратом. Затем он сразу же летел через озеро к своим двум товарищам и словно в оправдание проделывал перед ними завершающую церемонию, наблюдаемую у обычных пар.

У нелюбимой любовницы есть лишь один способ добиться включения в союз гусаков, объединенных торжествующим криком. Сначала она должна отыскать место для гнезда и отстоять его от посягательств других гусей, что очень нелегко и редко увенчивается успехом. Затем необходимо, чтобы ей просто повезло — чтобы ее любимый увидел, как она насиживает кладку, или (еще лучше) чтобы он увидел ее вместе с едва появившимся на свет выводком. В этом случае гусак может «усыновить» гусят, взяв на себя роль их защитника и вожака. То же поведение демонстрируют и одинокие гусаки, особенно овдовевшие. То есть в таком случае они усыновляют чужих гусят. Усыновив выводок — нередко, как мы видели, своих же «незаконнорожденных» отпрысков, — гусак начинает исполнять настоящую семейную церемонию торжествующего крика, о которой будет сказано ниже. Нелюбимая мать усыновленных гусят может принять участие в этом крике и постепенно получить признание в качестве равноправного члена союза гусаков.

У разных видов диких гусей часто наблюдаются трио, состоящие из двух гусаков и гусыни. Вероятно, они всегда — или практически всегда — образуются так, как я только что описал. Следовательно, такой «союз втроем» у гусей нельзя считать аномалией, а тем более чем-то патологическим. Питер Скотт часто наблюдал такие союзы у короткоклювых гуменников в Исландии и обнаружил, что они особенно успешно выращивают птенцов, поскольку два сильных гусака защищают семью гораздо лучше, чем один.

34
Перед тем как с Мертвой горы хлынут весенние потоки, уровень воды в озере Альм-Зе опускается до низшего предела. В эту пору гуси много времени проводят на обнажившихся илистых отмелях у южной оконечности озера. Мы часто навещаем их там и проводим в их обществе много часов. Это отличное место для наблюдения за образованием новых пар и другими событиями в жизни стаи, которые происходят в период ухаживания.

35
Спаривание у гусей всегда происходит на воде. Вначале гусак неизменно принимает так называемую позу фрегата — шея гордо изогнута, а крылья слегка приподняты.

Разделение любви и полового акта свойственно не только образовавшим пару гусакам. У супружеских пар, на ранней стадии соединившихся крепкими узами торжествующего крика и подходящих друг другу в остальных отношениях, гусак обычно (а гусыня всегда) абсолютно моногамен и верен даже в строго сексуальном смысле. Но если узы любви не так крепки — например, когда гусак лишился первой возлюбленной и образовал пару с другой гусыней, — дело обстоит иначе. Гусак будет мужественно и преданно защищать свою супругу, помогать ей выбрать место для гнезда, добросовестно нести свои обязанности по охране гнезда и принимать усердное участие в воспитании и охране потомства. Однако это безупречное семейное поведение не помешает ему охотно копулировать с любой посторонней гусыней, делающей ему авансы. Но больше он на нее никакого внимания не обращает, не защищает ее и не реагирует, даже если ее хватают и утаскивают прямо у него на глазах, как мне удалось в одном случае установить экспериментально. Свою же «законную» супругу он в подобной ситуации будет защищать с риском для жизни.

Интересно, что такое разделение любви и полового акта гораздо характернее для гусаков, чем для гусынь. Все «нелюбимые» гусыни, включенные в упомянутые мною союзы, были явно «влюблены» в гусаков, с которыми охотно спаривались. Говоря конкретнее, они всегда торопились присоединиться в торжествующем крике к своему гусаку, если он проявлял к этому хоть малейшую готовность.

В отличие от беременности млекопитающих «беременность» у птиц — и гусей в том числе — начинается за некоторое время до оплодотворения. У рыб она, собственно говоря, им завершается: икра и молоки извергаются одновременно. У птиц яйца оплодотворяются внутри материнского тела, когда желтки уже очень велики, и брюхо гусыни заметно увеличивается еще до того, как брачный период достигнет кульминационной точки (41).

Затем пара начинает активно отыскивать место для гнезда. Иногда гуси проявляют при этом большое умение, но иногда бывают попросту небрежны. Некоторые пары подыскивают для гнезда укромные уголки, как, например, гусыня на фотографии 42, уже дважды благополучно выводившая птенцов на этом месте. Другие гуси гнездятся на относительно открытых участках того или иного острова. Вода обеспечивает определенную защиту от лисиц, но отсутствие укрытия над гнездом делает его легкой добычей ворон и воронов, которые, к несчастью, очень любят гусиные яйца. Третьи предпочитают для гнезд уединенные и

36
Следующий этап брачной прелюдии состоит в том, что гусак погружает шею в воду, а затем вздергивает ее, рассыпая каскады брызг.

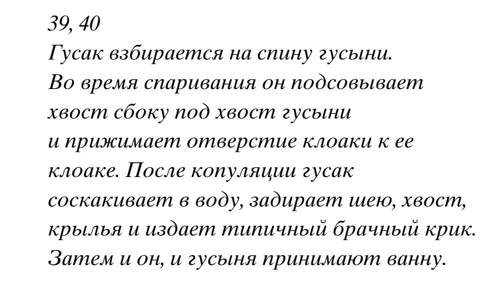

37
Гусыня (на переднем плане) также совершает ритуал погружения шеи в воду.

38
Когда гусыня готова к спариванию, она распластывается на воде и подставляет гусаку шею таким образом, что он может крепко ухватиться за нее клювом.

39, 40
Гусак взбирается на спину гусыни. Во время спаривания он подсовывает хвост сбоку под хвост гусыни и прижимает отверстие клоаки к ее клоаке. После копуляции гусак соскакивает в воду, задирает шею, хвост, крылья и издает типичный брачный крик. Затем и он, и гусыня принимают ванну.

41
Ранней весной, пока длится период ухаживания, у гусыни начинают созревать яйца и образуются желтки. Вскоре ее брюхо приобретает типично вздутый вид, означающий, что гусыня готова к откладыванию яиц. У гусыни Хексе видна залысинка на шее, где гусак при каждом спаривании выщипывал по нескольку перышков.

42
Некоторые гуси предпочитают гнездиться у истоков реки, берущей начало из озера Альм-Зе, на островках, заросших невысокими растениями, которые удобно щипать. Эта довольно робкая гусыня при нашем приближении сохраняет полное спокойствие, хотя и внимательно следит за нами.

43
Другие гуси выбирают место для гнезда на прогалинах с хорошим обзором во все стороны. Сельма, одна из наших ручных гусынь, глядит на нас с неколебимым доверием. Хорошо виден валик белых пуховых перьев, которые она выщипала у себя на груди и животе, чтобы выстлать ими гнездо, на время насиживания.

относительно высоко расположенные места, как, в частности, Сельма, героиня уже рассказанной драмы ревности (43). К сожалению, гуси гнездятся на полуостровах столь же охотно, как и на настоящих островах, по-видимому не сознавая, что до гнезда там лисице добраться проще простого. В естественных условиях они выбирают для гнезда место более или менее укрытое, но не настолько, чтобы это мешало обозревать окрестность во всех направлениях, оставаясь невидимыми. Однако, как ни удивительно, они довольно охотно используют гнездовые ящики, закрытые со всех сторон, за исключением небольшого входа, — но только если эти ящики укреплены на сваях посреди какого-нибудь водоема. Мы, конечно, хотим, чтобы наши гуси размножались успешно, а потому корректируем заведомо небрежный выбор места для гнезда, забирая кладку в надежде, что допустившая оплошность гусыня отложит новые яйца там, где сможет насиживать их без помех.

Пожалуй, тут стоит рассказать небезынтересную историю о том, как одна гусыня успешно вывела гусят. Сибилла Калас уделяла особое внимание гусыне по кличке Альма, которую она вырастила в 1974 году, стараясь добиться, чтобы та стала как можно более ручной. Когда меня спрашивают, много ли забот это требует, я отвечаю: «Примерно столько же, сколько вы уделите щенку, желая вырастить себе ласкового и верного друга. Вы должны как можно чаще водить его гулять, подолгу с ним разговаривать и, если возможно, позволять ему спать в одной комнате с вами».

Те же принципы верны и по отношению к гусям. Чем больше бродишь с ними, чем дальше их уводишь, тем крепче они к вам привязываются. Полезно также делить с ними гнездо. Вот почему нашим гусиным опекунам полагается спать со своими гусями, и хижины в Обергансльбахе планировались именно с таким расчетом. Как показывает фотография 104, при определенных условиях это сопряжено со значительными неудобствами.

Выращивая Альму, а также ее братьев и сестер, Сибилла Калас тщательно выполняла эти условия, так что молодая гусыня еще была удивительно к ней привязана весной 1976 года, когда в первый раз отложила яйца.

Все эти значительные затраты труда и времени производились с научной целью: создать гусиную семью с настолько ручными родителями, что все семейные отношения между ними и выводком можно было бы наблюдать и исследовать с самого

близкого расстояния и в мельчайших подробностях. Такая семья была необходима нам для изучения социального поведения, поскольку мы хотели установить, ведут ли себя выращенные нами гуси по отношению к нам так же, как дикие гусята — по отношению к своим настоящим родителям, и если нет, то в какой степени.

Обстоятельства сложились очень удачно — Альма стала подругой гусака одного с ней возраста, выпестованного Бригиттой Кирхмайер. Собственно говоря, это был тот самый Маркус, про чьи жаркие схватки с гусаком Блазиусом я уже рассказывал. Все усилия, которые Сибилла потратила на Альму, пропали бы втуне, если бы та стала подругой пугливого гусака, воспитанного настоящими родителями. Такой партнер ревнивым поведением подорвал бы взаимоотношения Альмы и Сибиллы. Маркус же вел себя с людьми на редкость дружелюбно, и мы были очень довольны, когда эта пара выбрала для гнезда ящик, установленный на сваях в одном из прудов Обергансльбаха неподалеку от хижины, где жила Сибилла. Однако едва Альма успела отложить первое яйцо, как к крайней нашей досаде ее прогнала оттуда пара черных казарок. Их в свою очередь изгнала пара серых гусей, облюбовавшая тот же ящик. Все это произошло 11 апреля 1976 года после снегопада, когда температура держалась около нуля. К несчастью, у Сибиллы не оказалось под рукой ни одного из резиновых комбинезонов, которые мы надевали, когда строили ящики, но времени терять было нельзя, и Сибилла — в этот день она оставалась одна в Обергансльбахе — героически бросилась защищать гнездо Альмы: разделась и пошла вброд по ледяной воде отгонять захватчиков. Вы только представьте себе эту сцену: едва светает, температура воздуха ноль градусов, метель — и пруд глубиной в полтора метра.

Прогнать оккупантов ей удалось, но было уже поздно: Альма на гнездо не вернулась. Вместо этого она соорудила другое гнездо в нескольких сотнях метров выше по течению от Обергансльбаха, и в нем, когда мы его отыскали, лежало уже три яйца. Гнездо на сухом откосе над речкой почти не было замаскировано и, несомненно, стало бы добычей лисиц или воронов, а может быть, и тех и других. Поэтому Сибилла забрала яйца и положила их в тот ящик, где еще лежало первое яйцо Альмы. К большой радости Сибиллы Альма отложила в ящик еще одно, пятое яйцо. Но радость скоро сменилась досадой, потому что наглые казарки снова прогнали Альму. Вина за это падала глав-

44
Альма — гусыня настолько ручная, что Сибилла Калас, не сгоняя ее с гнезда, может проверить кладку. Достаточно обнюхать яйца, чтобы выяснить, нет ли среди них тухлых. Пока идет проверка, Альма берет корм с ладони Сибиллы, своей бывшей приемной матери.

45
Хотя я хорошо знаком Альме, она щиплет меня и бьет сгибами крыльев, стараясь отогнать от гнезда. А всего несколько минут назад она позволила Сибилле дать ей корм.

46
Несколько раз в день гусыня переворачивает яйца в гнезде, подсовывая под них клюв и подтягивая к себе. Яйца, выкатившиеся из гнезда, возвращаются на место тем же движением. Регулярно переворачивая яйца, гусыня не дает внутренней оболочке прилипнуть к скорлупе.

ным образом на Маркуса, такого ручного и ласкового с людьми, но последнего труса во взаимоотношениях с другими гусями. Стремление заботиться о выводке было в нем развито слабо, что подтвердило и его дальнейшее поведение, когда гусята вывелись и начали подрастать.

Всё мы уже не сомневались, что на это лето Альма останется без выводка, но десять дней спустя она соорудила новое гнездо на одном из озерных островов, отложила в нем яйца и начала насиживание. Поскольку эта кладка имела для нас особую важность, мы посещали гнездо ежедневно, и Альма встречала Сибиллу с полным дружелюбием. Без малейшего сопротивления она позволяла Сибилле вынимать яйца по одному из гнезда, рассматривать их на свет и нюхать. Тухлое яйцо может лопнуть, и тогда его испорченный белок, замазав соседние яйца, закупорит поры в скорлупе и зародыши задохнутся. На фотографии 44 видно, как Сибилла одной рукой кормит Альму, а тем временем обнюхивает гнездо под ней, проверяя, не начало ли тухнуть какое-нибудь из яиц.

Прерывая насиживание, Альма искала общества Сибиллы без малейших возражений со стороны ручного, но слабодушного Маркуса. Такие перерывы составляют существенную часть поведения гусей во время насиживания. Яйцам необходимо периодически остывать, чтобы воздух в воздушной полости сжимался и сквозь поры скорлупы проникал свежий воздух. Эти регулярные перерывы необходимо устраивать, даже когда гусиные яйца заложены в инкубатор. Во время каждого перерыва гусыня не только пьет и ест, но и купается, так что, когда она снова садится на гнездо, яйца увлажняются.

Перед тем как покинуть гнездо для такого перерыва, гусыня тщательно укрывает кладку пухом, который устилает гнездо и образует нечто вроде вала вокруг него. В начале насиживания она, нащипав этот пух из собственного брюха, засовывает его между яйцами и под них. Основное назначение пуха во время перерыва в насиживании — служить не теплоизоляцией, поскольку яйцам необходимо остыть, но главным образом маскировкой, чтобы скрыть их от жадных глаз хищных птиц. Перерыв в насиживании может длиться от десяти минут до часа с лишним. Вернувшись на гнездо, гусыня обычно некоторое время стоит над кладкой, тщательно чистя брюшное оперение, и только потом переворачивает яйца, подсовывая под каждое клюв и подтягивая его к себе (46). Совсем ручных гусынь можно кормить прямо в

гнездах, и мы пользуемся этим, чтобы отвлекать их внимание, когда проверяем кладку (47).

Маскировка яиц пухом и гнездовым материалом спасает их от ворон и воронов, которые высматривают добычу, но не от хищных млекопитающих, полагающихся главным образом на чутье. Красавец ворон почти исчез во многих местах, но в долине Альма эти птицы еще сохранились, причем особенно часто встречаются они в заповеднике, куда их привлекает мясо, предназначенное для медведей, волков и других хищных зверей. Старый ворон умеет удивительно ловко красть полуобглоданные кости из волчьей вольеры, когда никто из ее обитателей не смотрит в его сторону, но молодые, менее опытные птицы нередко платятся за такую дерзость жизнью. Ворон — чудесная птица, но мы просто с ненавистью смотрим на ворона, сидящего на дереве неподалеку от гусиного гнезда (48), так как опасаемся, что вскоре найдем кладку в том виде, какой запечатлен на фотографии 49. Гуси прекрасно понимают, что присутствие воронов и ворон чревато опасностью для их гнезд, но мы не знаем, врожденные ли это опасения или они выработались ценой горького опыта. Мы часто видели, как насиживающие гуси, заметив врага где-нибудь на верхней ветке дерева возле гнезда, нападали на ворон и воронов в воздухе. Меня поразило, насколько серьезно относится ворон к такому нападению, хотя ничего удивительного в этом нет, если вспомнить, каким мощным может быть удар, который серый гусь наносит сгибом крыла.

Гусята выклевываются примерно через месяц после начала насиживания. Тогда же и гусак занимает свой пост у гнезда (50). Как он узнает, что нужный момент настал, мы установить не смогли. Во всяком случае, «внутренние часы» тут не при чем, поскольку гусак является к гнезду перед самым началом проклевки, даже если первоначальная кладка была заменена другой, гораздо более насиженной. По всей вероятности, его предупреждает писк гусят еще в скорлупе. То ли он сам их слышит, оказавшись неподалеку от гнезда, то ли гусыня подает ему какой-то сигнал, едва гусята начнут попискивать. Собственно говоря, гусыня общается со своим выводком еще до вылупления птенцов. Она издает чуть слышный призывный крик, обращаясь к гусятам в скорлупе, а они испускают различного рода писки, по которым мать судит, все ли нормально. Когда кладка испускает жалобный «зов потерявшегося гусенка», мать отвечает призывным криком, словно утешая еще не появившихся-

47
В период насиживания мы посещаем ручных гусынь на их гнездах каждый день, а иногда и подкармливаем. Если им выпадает возможность провести перерыв в насиживании с нами, они бывают особенно довольны. Когда гусята появляются на свет, мать успевает настолько привыкнуть к нашему присутствию, что мы без малейших затруднений можем наблюдать каждую семью с самого близкого расстояния.

ся на свет гусят, а они иногда в свою очередь отвечают приветственным писком. Когда гусенок начинает попискивать в непроклюнутой еще скорлупе, мать в ответ часто переворачивает яйцо. Когда же гусята вылупятся, — может быть, даже еще не совсем, — мать слегка привстает, поднимает крылья (51) и глядит вниз на свое потомство. Особое внимание она обращает на скорлупки, которые необходимо как можно скорее удалить из гнезда, так как они могут привлечь внимание хищников. Но случаются и ошибки. Однажды мы видели, как гусыня выбросила в воду скорлупу, из которой гусенок выбрался только наполовину.

В первые дни после выхода из яйца гусята становятся все более беспокойными, все чаще выбираются из-под матери и прогуливаются возле нее (52). Затем наступает знаменательная минута: мать встает с гнезда и медленно покидает его, непрерывно испуская призывный крик. Гусята следуют за ней тесным строем (53).

В первые дни гусят необходимо часто согревать — примерно каждые пятнадцать-двадцать минут. Греясь, они постоянно высовываются из материнских перьев и испускают приветственное кряканье в сторону ее головы, подтверждающее ее семейные узы, которые их связывают (54). Если мать встает и отходит, гусята следуют за ней не отставая (55).

Люди непосвященные часто совершенно неверно представляют себе, чему животные-родители учат своих детенышей. Так, говорят, будто ласточки обучают своих птенцов летать, и много прочей подобной чепухи. Системы движений, необходимые для выживания, практически у всех птиц в подавляющем большинстве являются врожденными, особенно у тех, чьи птенцы, как птенцы серых гусей, сразу же способны ходить. Движения, которые производит гусенок, склевывая и проглатывая корм, все врожденные, но он должен учиться тому, что съедобно, а что нет. И вот тут стремление подражать родителям играет важную роль. В первые несколько дней после выхода из яйца гусенок внимательно следит за тем, какой корм клюют родители, и вскоре начинает клевать то же самое (56). У нас была удобная возможность наблюдать влияние родительского примера в тот год, когда Альма воспитывала свой первый выводок. Сама вскормленная людьми, Альма привыкла к корму, который давали ей мы, и с жадностью поедала его при всякой возможности. Одновременно на озере жила со своим выводком робкая молодая гусыня, воспитанная настоящими родителями. В тамошних торфяных мхах

48
Пока идет насиживание, возле гнезд всегда много воронов и ворон, выжидающих момента, чтобы украсть оставленные без присмотра яйца. Мы часто наблюдали, как гусаки, охраняющие свою гнездовую территорию, взлетали, чтобы напасть на ворон в воздухе и прогнать их.

49
Несмотря на бдительность гусей, ворон или ворона иногда ухитряются украсть и съесть яйцо — возле гнезд нередко валяются пустые скорлупки.

52
Эта семья только что покинула гнездо. Под предводительством гусака, теперь несущего дозор возле подруги и выводка, она переплыла протоку, в которой находится островок с гнездом. Мать тотчас опустилась на землю, чтобы гусята могли забраться под нее. Но те еще не устали и любознательно пощипывают сухие стебли у воды.

50
Когда время выклевывания близко и гусята начинают попискивать в скорлупе, гусак перестает нести дозор в некотором отдалении от гнезда и присоединяется к гусыне. На фотографии Адо угрожающе шипит на нас, увидев, что мы направились к сидящей на гнезде Сельме, его подруге.

51
Совсем ручные гусыни, вроде Крессиды, подпускают нас к своим гнездам и разрешают осматривать гусят, только что появившихся на свет. Эти два гусенка выбрались из скорлупы примерно полчаса назад. Пуховые перья у них еще в чехольчиках, которые вскоре рассыплются пылью. У гусенка слева уже происходит запечатление матери он посматривает на нее одним глазом и она отвечает ему взглядом, пока гусенок справа пощипывает сухую траву у края гнезда. Оба этих поведенческих элемента жизненно важны для новорожденных гусят. Первый обеспечивает узнавание матери, а второй помогает отличать съедобные предметы от несъедобных.

она лишь с трудом находила корм, и мы с радостью предложили бы ей составленную нами питательную смесь для гусят. Но она не прикасалась к нашему корму, потому что ее собственные родители его не знали. В ту пору, когда гусята покидают гнезда, болотистые острова, где пасутся гуси, пестреют цветками вахты (57) и пушицы (58).

Через несколько дней крохотные гусята уже способны в обществе родителей проходить и даже с еще большей легкостью проплывать невероятные расстояния — по пять и более километров. Как ни странно, спустя всего несколько дней после появления на свет гусятами, а также их родителями словно овладевает жажда странствий. Гусиные семьи, гнездившиеся на озере Альм-Зе, внезапно появляются в Обергансльбахе, и туда же поднимаются вверх по речке некоторые семьи с большого пруда в заповеднике. Однажды супруги Лукас и Хексе ушли из парка с пятью гусятами по довольно глубокому снегу и добрались до Обергансльбаха всего с тремя. Логично предположить, что все такие переселения вызываются побуждением вернуться в Обергансльбах, где выросли многие из этих гусей. Всего одна пара, выбравшая для гнездования Обергансльбах, перебралась с выводком на озеро Альм-Зе, но и гусак, и гусыня выросли не в Обергансльбахе.

Сибилла Калас тщательно изучила перемещения гусей с озера Альм-Зе в Обергансльбах, которые отдельные пары регулярно совершают каждый год. Она принялась изучать их не только потому, что они опасны и часто приводят к потере гусят, но еще и потому, что этот аспект гусиного поведения представляет большой интерес сам по себе. Гуси обычно предпринимают свои путешествия рано поутру, хотя порой отправляются в дорогу и ближе к вечеру, как, например, Сельма и ее супруг Адо с новым выводком в 1977 году. Сельма, выращенная Сибиллой за год до Альмы, была привязана к ней почти столь же сильно. Сибилла, зная, что гуси тронулись в путь, вышла к ним навстречу. Она обнаружила их на островке среди быстрины, в которую они не решались войти. Два часа она тщетно пыталась выманить их оттуда, но гуси раз за разом подходили к воде, пробовали ступить в нее и поворачивали обратно. В конце концов Сибилла схватила трех гусят, перенесла их через протоку и выпустила на берегу. Родители тотчас последовали за ними и решили вести свой выводок в Обергансльбах по шоссе, по которому то и дело проносились машины. Сибилла заставила их вернуться к речке, где вся семья вошла в воду и с чинной целеустремлен-

53
Первый день после выхода из яйца гусята проводят в гнезде, укрываясь под матерью. Затем они начинают предпринимать небольшие вылазки и таким образом готовятся к окончательному расставанию с гнездом. Два гусенка на фотографии энергично поклевывают стебли травы и прутики, но ничего пока не едят.

54
Устав или замерзнув, гусята забираются в перья матери, раздвигая их движением головы, направленным косо вверх. В результате они нередко выныривают на материнской спине. При виде матери гусенок издает приветственный крик, адресуясь к ее голове.

55
Семейная сплоченность жизненно важна для гусят. Едва мать делает шаг, они, не отставая, следуют за ней.

56
В первые дни жизни гусята узнают, какие растения съедобны, а какие не очень. Разбираются они в этом, пощипывая самые разные растения, а также наблюдая, что едят их родители.

57
В мае на болотистых островах и полуостровах озера Альм-Зе цветет редкая вахта трехлистная (Menyanthes trifoliata L.).

58
В то же время года в тех же местах можно увидеть и пушицу (Eriophorum sp. L.).

59
Семья гусей плывет за лодкой. Сельма хочет получить корм из наших рук, гусята следуют за ней. Адо же, менее ручной, держится на расстоянии и угрожает нам.

ностью поплыла к Обергансльбаху. Однако река Альм течет настолько быстро, что даже длинноногой Сибилле за ней не угнаться, и гуси вскоре намного ее опередили. Но тут Сельма издала крик, означающий, что кто-то отбился от стаи, и гуси остановились, поджидая Сибиллу. Затем Сибилла снова помешала им перебраться на шоссе, которое они явно считали более подходящей дорогой. Шоссе действительно вело прямо к Обергансльбаху и бесспорно выглядело более удобным, но гуси не были способны оценить его опасности. В конце концов они пошли через лес и ни разу не сбились с тропки, по которой из них всех только Сельма прошла однажды еще гусенком, двигаясь к тому же в противоположном направлении. Процессия добралась до Обергансльбаха в глубоких сумерках. Адо и Сельма сначала «приняли ванну», затем поужинали в хижине Сибиллы и, наконец, устроились спать на безопасном островке. К несчастью, у нас нет фотографической летописи этого чудесного путешествия Сибиллы с дикими гусями. Но поскольку ей несколько раз пришлось переходить Альм вброд в быстринах, где вода поднималась ей выше пояса, возможно, и к лучшему, что она не взяла с собой свою дорогую камеру.

Очень скоро в выводке начинает складываться своя иерархия. Как правило, первые драки гусят происходят рано утром, иногда до зари, а потому мы про них ничего не знали до 1971 года, когда Сибилла Калас наконец обратила на них внимание. Крохотные гусята внезапно начинают энергично драться, затевая что-то вроде общей потасовки.

Реакция родителей, которых это явно беспокоит, очень интересна. Они, напряженно и возбужденно глядя на дерущихся гусят, часто разворачивают крылья и шипят. Впечатление такое, словно среди выводка появился мелкий хищник и вдруг стал невидимым (62). Однако родители никогда не пытаются вмешаться и прекратить драку, хотя мать защищает любого потерпевшего поражение гусенка, который убегает от дерущихся и пытается спрятаться под ней.

В драке гусята демонстрируют то же поведение, что и взрослые гуси. Щиплются они столь же энергично и точно так же тянут противника за перья (63). И стараются бить друг друга сгибом крыла, совершенно как взрослые гусаки, но из этого ничего не выходит, потому что крылья у них еще слишком коротки. Гусенок хватает противника клювом и притягивает к себе на расстояние, с которого мог бы достать его роговым выростом, если

60, 61
Отправляясь в долгое путешествие, гуси обычно предпочитают плыть, следуя за гусаком. На фотографии Адо плывет впереди, бдительно глядя по сторонам, а Сельма и гусята держатся позади него.

бы пропорции их тела были такими, как у взрослых гусаков. Кроме того, он сгибает крыло в кистевом суставе совершенно так же, как это делает взрослый гусь, но крыло еще так коротко, что он только бьет им себя же по боку. Второе крыло откидывается назад для равновесия — опять-таки как у взрослого (64).

Гусыня греет своих птенцов до тех пор, пока они умещаются под ее крыльями (65). Когда гусята хотят согреться, то испускают тихий переливчатый писк — сигнал засыпания — и подбираются к матери сзади. А если им становится жарко под прямыми солнечными лучами, они ложатся в тени, отбрасываемой родителями, — при условии, что те достаточно долго стоят неподвижно. Обычно так и бывает, но мы не знаем, делают ли взрослые гуси это специально для того, чтобы дать гусятам остыть (66). Только об одной птице твердо известно, что она специально охлаждает своих птенцов, — это белый аист.

Тут, пожалуй, будет уместно сказать несколько слов о том, как родители водят своих гусят. В самые первые дни решение, когда и куда идти, принадлежит почти исключительно родителям — но именно «почти»! По мере того как гусята подрастают, они начинают вести себя более независимо, особенно если перегреваются. В частности, когда пух сменяется перьями, гусята, практически одетые в двойное оперение, перегреваются очень легко, хотя та же температура воздуха, возможно, нисколько не тяготит родителей. Гусята решительно направляются к тени и, испуская жалобные настойчивые крики, вынуждают родителей следовать за собой. С повзрослением гусят влияние выводка на общее поведение стаи увеличивается. Нас же особенно интересует влияние, которое родители все еще оказывают на своих гусят в более поздние периоды.

По прошествии четырех-пяти дней очаровательно трогательный облик крошечных гусят (67) меняется и они уже производят совсем иное впечатление (68). Столь же стремительно, как и внешность, меняется поведение гусят. Просто невозможно привыкнуть к быстроте, с какой прелестный пуховый шарик превращается в величавую птицу. Особый интерес для наших исследований представляет развитие поведения индивидуума и, что еще важнее, гусиной семьи как единого целого, а также форм общения, связанных с этим процессом. Поскольку наши гуси-родители возвращаются со своими гусятами туда, где прошло их собственное детство, и растят их у нас на глазах, бок о бок с приемными родителями-людьми и их гусятами, мы получаем бо-

гатейшие возможности сравнивать и выяснять, нет ли ошибок в нашей программе воспитания гусей. Один из моих молодых сотрудников, Коломб Смит, как-то сказал с полной серьезностью: «Мне еще столькому нужно научитьсяЦ у Хексе». Если вы забыли, Хексе — это гусыня, которая повела свой выводок по глубокому снегу из заповедника назад в Обергансльбах.

Обергансльбах запечатлен на фотографии 2, и я уже упоминал, что работающие там молодые ученые живут в прелестных хижинах, возведенных у наших прудов по планам Карла Хютмайера (73).

Гусиные семьи, которые перебираются с озера Альм-Зе, едят из тех же кормушек, что и гуси, выращенные людьми (74, 75). А кругом нас — царство изумительных растений. Вокруг хижин цветут барбарис (69), горечавка Клузия (70), венерин башмачок (71) — большая редкость в других местах — и нарциссы (72). Нарциссов на гусиных лужках особенно много, потому что гуси их не трогают, а остальные растения усердно ощипывают.

Ежегодно в этом чудесном уголке люди соучаствуют с гусями в интереснейшей жизни гусиного сообщества. Семьи гусей, особенно связанные кровным родством или дружбой, растят гусят совместно в своего рода детском саду. Разумеется, выводки никогда не перепутываются окончательно и малыш, которому надо согреться, побежит прятаться только под крыло своей матери. Однако семьи поддерживают тесный контакт, и при возникновении опасности можно наблюдать любопытную форму коллективной защиты. Если на гусей пикирует хищная птица, гусята всех семей стремительно сбиваются в тесную кучку, а родители раскрывают крылья и смыкаются вокруг них в оборонительное кольцо. Возбужденные крики и шипение объединившихся родителей отпугивают даже крупного хищника. Мы вызывали эту реакцию, пуская скользить по туго натянутой над гусями проволоке чучело ястреба-тетеревятника. Этот эксперимент мы снимали кинокамерой и получили отличный фильм, но, к сожалению, фотографий, которые можно было бы поместить здесь, у нас нет.

Гуси-отцы, выкормленные людьми, а иногда и некоторые другие относительно ручные гусаки часто стараются пристать к людям, ведущим гусят, точно так же, как любой гусак склонен искать общества других гусаков, возглавляющих выводки. Отношения тут складываются совершенно идиллические (76). Молодые ученые, ведущие своих гусей, стараются, насколько это возмож-

62
В первые дни гусята затевают драки для установления иерархии доминирования. Родители следят за ними с интересом, но никогда не вмешиваются.

63
Дерущиеся гусята хватают друг друга за перья на шее и пытаются наносить удары сгибом крыла — точь-в-точь как взрослые гуси.

64
Гусенок справа как раз собрался ударить сгибом крыла, но удар не достигает цели, потому что крылья у него еще слишком коротки.

65
Гусятам Альмы уже исполнилось две недели, и пространство между материнскими крыльями, как их ни раздвигай, становится для них тесновато.

66
В полуденную жару гусята любят полежать в тени, отбрасываемой их родителями.

но, держаться, как гуси, и трудно придумать более поразительную и на редкость приятную картину, чем неторопливо бредущая стая, в которой неразделимо смешались гуси и молодые люди.

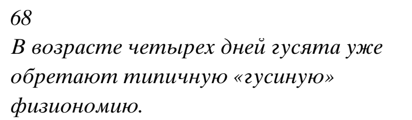
В возрасте нескольких недель гусята меняют пуховый наряд на взрослое оперение. Перья вырастают из тех же корней, что и пух, который какое-то время висит на кончиках растущих перьев, а затем облетает. Дольше всего пух сохраняется на затылке и верхней части шеи.

Когда гусята вырастают настолько, что им уже не нужно греться под материнским крылом, родители теряют первостепенные маховые перья. Здоровые птицы сбрасывают их почти все одновременно. Происходит это главным образом, когда гуси бьют крыльями или чистят оперение (79). Однако утрата способности летать не мешает отцу гусиной семьи с честью выполнять роль дозорного и защитника. Гусак, внимательно всматривающийся в лес (78), — Маркус, супруг Альмы, — уже сбросил первостепенные маховые перья. Через неделю заметно отрастают новые перья, в чем можно убедиться, когда гусь занимается туалетом (80). Но проходит еще три-четыре недели, прежде чем родители вновь обретают способность летать — к этому времени длина их первостепенных маховых перьев увеличивается сантиметра на три. Это точно совпадает с периодом, когда молодые гуси поднимаются на крыло, — отличный пример естественного приспособления.

Теперь для молодых гусей наступает довольно опасное время. Строго говоря, им незачем учиться летать, так как координация движений, необходимых для взлета, полета по горизонтали, торможения и приземления, у них абсолютно врожденная. Однако молодые гуси должны научиться оценивать расстояние, высоту и особенно ветер. Им необходимо усвоить, что приземляться они могут только против ветра, а если попробуют опуститься по ветру, то их того и гляди перекувырнет. Воспитатель-человек в какой-то мере может помочь им разобраться в этом, спровоцировав их опуститься на землю, когда они летят низко против ветра. Если он стремительно нагнется или упадет ничком, молодые гуси отреагируют так же, как на приземление настоящего родителя-вожака, — поспешат любой ценой последовать его примеру. Понятно, что момент приземления родителей является критическим: если молодой гусь не рискнет приземлиться, ему грозит опасность потерять контакт с родителями-вожаками. Я провел довольно безжалостный эксперимент, принудив молодых гусей таким же образом приземлиться по ветру, что всегда приводит к «аварийной посадке». Четыре молодых гуся, вожаком которых я

67
Совсем маленькие гусята серого гуся похожи на круглые и пушистые ивовые сережки.

68
В возрасте четырех дней гусята уже обретают типичную «гусиную» физиономию.

тогда был, не пострадали от эксперимента, но явно утратили ко мне доверие. Некоторое время после этого, как бы я ни падал, мне не удавалось заставить их приземлиться.

Сибилла Калас заметила интересный тип родительского воздействия на молодых гусей, только что поднявшихся на крыло. Когда юнцы хотят взлететь и сообщают о своем намерении родителям, развертывая крылья и тряся клювами, родители испускают предостерегающий крик и подавляют их стремление подняться в воздух. Из общения с нашими питомцами мы знаем, что молодые гуси способны летать намного раньше, чем они действительно начинают летать, — еще до того, как первостепенные маховые перья отрастут настолько, что кончики их перекрещиваются, когда крылья сложены. Они часто улетают самостоятельно, и, к сожалению, несчастные случаи отнюдь не редки. Однажды молодой гусь врезался в дом на высоте около метра. На стене были видны следы лап, выброшенных вперед в попытке затормозить. Прямо под ними лежал труп гуся. Он погиб от разрыва печени.

Предостережения и сдерживающее влияние родителей обычно помогают избежать подобных несчастных случаев, и с молодыми гусями, выросшими в семье, они происходят гораздо реже, чем с теми, кому родителей заменяют люди. Однако у взрослых птиц есть еще один способ предотвращать несчастные случаи в воздухе. Если вопреки попыткам родителей удержать их молодые гуси взлетают, родители взлетают следом за ними, тотчас занимают ведущую позицию и таким образом определяют место приземления. Поскольку крылья родителей все еще относительно коротки, они летят осторожно, избегают резких поворотов и щегольского торможения. Хотя молодые гуси этого не сознают, родители обеспечивают им необходимое руководство. А главное, родители показывают молодым гусям, какие места удобны для приземления и как благополучно приземлиться. На фотографии 77 у матери, угрожающей другой гусиной семье, хорошо видны новые, еще короткие первостепенные маховые перья.

Оперение гуся особенно красиво, когда он впервые поднимается на крыло (82), и больше уже никогда таким не бывает. Все перья еще одинаково новы — единственный раз на протяжении жизни птицы. Наиболее красивы перья так называемого крылышка, функция которого идентична функции закрылков самолета (81), особенно при взлете и торможении. Кончики отросших контурных перьев первое время еще несут пух, составлявший оперение юного гусенка (83). Когда этот пух спадает, оперение выглядит безупречным (84).

69
Барбарис обыкновенный (Berberis vulgaris L.) — типичный член подлеска на опушках и полянах по верхним склонам долины Альма. Его обильные желтые цветки издают сильный запах, который ощущается далеко вокруг.

70, 71, 72
Совсем рядом с хижинами в Обергансльбахе цветут горечавка Клузия (Gentiana clusii L.), венерин башмачок (Cypripedium calcejlus L.) и нарцисс (Narcissus poeticus L.).

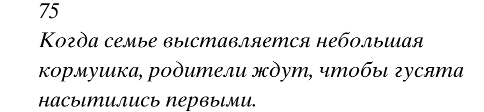

73
Сибилла Калас у двери своей гусиной хижины в Обергансльбахе. Ученые, работающие с гусями, как и их помощники, живут в этой хижине и двух таких же с марта по сентябрь. Так они получают возможность не только спокойно растить гусят, но и наблюдать поведение других гусей в стае Грюнау.

74
Альма с Маркусом и три их гусенка — Флика, Астро и Аурель — явились в хижину, чтобы спокойно поесть. Родители уже сбросили первостепенные маховые перья, а у гусят как раз начинают пробиваться хвостовые и верхние кроющие перья.

75
Когда семье выставляется небольшая кормушка, родители ждут, чтобы гусята насытились первыми.

76
Птенцам Альмы уже пять недель, и их оперение, кроме маховых перьев, почти полностью отросло. На шее и затылке у них еще сохраняются желтые пуховые перья, так что гусята в этом возрасте часто щеголяют забавными «прическами».

77
Когда гусята спят, Альма выбирает дозорный пост повыше. На этой фотографии она угрожающе шипит, отгоняя чужую семью.

78
Пока Альма и гусята приводят в порядок оперение, Маркус напряженно следит за лесом.

Кроме оперения у гуся примечательны еще и ноги. Покрывающие их чешуйки представляют собой древнее наследие тех пресмыкающихся, от которых произошли предки птиц (85, 86). Кольца на ногах гусей служат для их опознавания. Алюминиевое кольцо на фотографии 85 принадлежит орнитологической станции в Радольфцелле на Боденском озере, которая ведет исследование миграций птиц. На станции регистрируются номера колец, и мы получаем оттуда сообщения, когда наших гусей увидят гденибудь далеко. Если такой гусь еще жив, мы идем на большие расходы, лишь бы вернуть его целым и невредимым. Цветные пластмассовые кольца, комбинируемые по нашей собственной системе, позволяют нам различать гусей индивидуально и, кроме того, обозначают год рождения данной птицы.

Крепость семейных уз у серых гусей делает их особенно подходящим объектом для изучения поведения, особенно социального. У большинства уток уже поднявшиеся на крыло утята не поддерживают видимых отношений с родителями. Но молодые гуси сохраняют тесные связи с семьей и, например, принимают активное участие в споре между своими родителями и другими гусиными семьями. Гусак на фотографии 87 — один из сыновей знаменитой Альмы, всего семи недель от роду, — возглавляет семейную атаку на каких-то противников. Относительную юность маленького героя можно установить как по его птенцовому оперению, так и по еще коротким кончикам крыльев его родителей. Участвуя в стычках вместе с родителями, молодые гуси узнают ранг, который те занимают в стае. Этот же ранг автоматически получают они сами, и очень смешно наблюдать, как гусь-подросток нахально подходит к взрослому гусаку и, например, отгоняет его от кормушки. Однако увенчаться успехом подобная операция может, только если семья юнца — и главное, его отец — находится где-нибудь поблизости. Я не раз видел, как гуси низшего ранга задавали страшную трепку отпрыску гусей более высокого ранга, столкнувшись с ним вдали от его семьи.

Едва молодые гуси полностью обретают способность летать, начинается линька второстепенных маховых перьев — у старых гусей несколько раньше, чем у молодых. На фотографии 88 запечатлена гусыня с двумя отпрысками, уже вполне способными летать. У матери можно заметить начинающуюся линьку второстепенных маховых перьев. Темные новые перья видны очень хорошо.

Когда молодые гуси уже полностью готовы к полету, родители начинают брать их в более серьезные экскурсии по окрест-

79
Раз в году, в июне, гуси сбрасывают первостепенные маховые перья и, пока не отрастут новые, недели на четыре утрачивают способность летать. Здоровый гусь сбрасывает все свои маховые перья почти одновременно, чистя оперение или встряхивая крыльями.

80
Занимаясь туалетом, Альма приподняла крыло и показывает голубые васкулярные чехлы, уже лопнувшие у конца, так что видны кончики новых первостепенных маховых перьев.

ностям. Часто для этого объединяется несколько семей. На фотографии 89 видна группа семей, улетающих от нашего пруда в сторону озера Альм-Зе. В своих первых настоящих полетах гуси часто возвращаются на пруд (91), предпочитая вдали от него вообще не приземляться. Эти полеты происходят в то время, когда зацветает зорька (90).

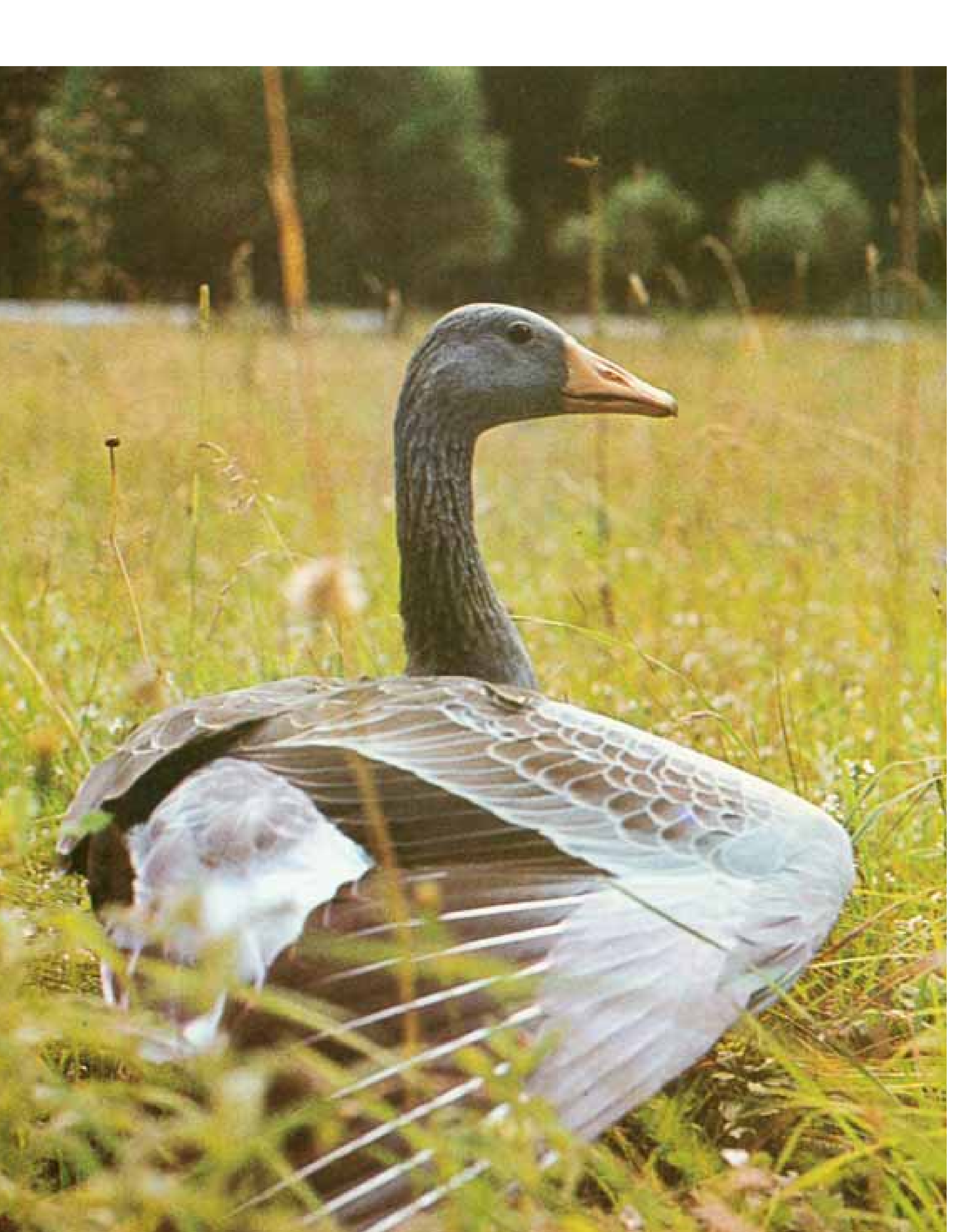
Когда пора первых полетов проходит без потерь, на душе становится легче. Вновь и вновь поражаешься, как за четыре коротенькие недели жидкое содержимое яйца преображается в пушистого гусенка, который будет пищать и испускать приветственные крики, горевать и радоваться, который способен привязаться к кому-то одному, будь то серый гусь или человек. И каждый год изумляешься, как за следующие восемь недель прелестные пуховые шарики превращаются во взрослых диких гусей, которые взмывают в небо правильным строем и не страшатся бури.

Теперь на наших прудах вдруг появляется очень много гусей. Однолетки и двухлетки, еще слишком молодые, чтобы обзавестись собственным выводком, возвращаются с озера Альм-Зе, где они безмятежно жили в тихих заливчиках и на широком плесе. Возвращаются и гуси, выводившие потомство в других местах. Среди них — гусыня Икси, чей партнер зовется Лаккини в честь моего старинного друга Лаккини, который также содержит гусиную колонию. Икси выводит гусят на травянистом острове озера Хим в добрых двухстах километрах от Обергансльбаха, а осенью со своим выводком летит назад в долину Альма, чтобы перезимовать у нас. И еще одна семья регулярно возвращается, но мы не знаем, где эти гуси выводят птенцов. В пору слета гусей по долине Альма гремят гусиные крики и всюду царит возбуждение, потому что у всех гусей начинается предотлетное беспокойство — даже у тех, которые никуда не улетят. А мы, хотя и знаем, что многие из них останутся, всегда следим за ними с тревогой, словно уже видим, как они исчезают в небесной дали.

До нашего появления в долине Альма не было диких гусей, исключая, возможно, тех, которые во время перелета задерживаются там отдохнуть. Мы же, обосновавшись в долине, видели там лишь нескольких одиноких гуменников. Один провел некоторое время на озере Альм-Зе в 1974 году, а второй, который внезапно появился в сентябре 1977 года и присоединился к нашим собственным гуменникам, с тех пор так у нас и остался. Этот второй в момент своего появления еще носил птенцовое оперение и, вне всяких сомнений, каким-то образом отбился от родителей. Возможно, то же случилось и с первым.

81
Когда гусь теряет первостепенные маховые перья, взгляду открывается изящное серповидное крылышко.

82
Зинда, одна из сестер Альмы, выращенная приемной матерью, демонстрирует красоту своего только что отросшего птенцового оперения.

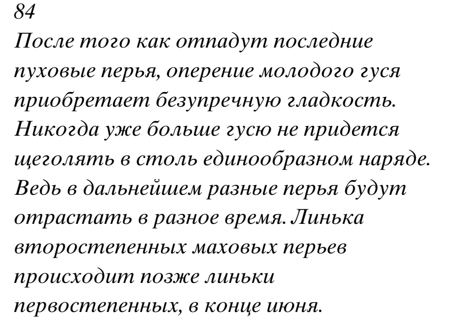
Диких гусей в долине Альма поселили мы. Для того чтобы создать колонию свободноживущих гусей, требуется немало труда, но если его не бояться, успех обеспечен. Первые шаги создания колонии — это инкубация яиц: omne vivum ex ovo (вся жизнь — из яйца). Однако, проведя множество экспериментов, мы так и не нашли вполне надежного метода искусственной инкубации. Куда лучшие результаты мы получали, используя для насиживания домашних гусей. Однако на этих птиц, оглупленных многими годами одомашнивания, нельзя полагаться, когда дело идет о насиживании: они утратили четкость инстинктивных форм поведения, которую, как описывалось выше, демонстрируют дикие гуси. Предоставленные самим себе, домашние гуси прерывают насиживание недостаточно часто или же не всегда принимают ванну и нередко возвращаются в гнездо слишком быстро и с сухими перьями. Используя этих гусей для насиживания кладки дикого гуся, необходимо сталкивать их с гнезда через определенные промежутки времени — при этом не следует забывать, что домашние гуси способны свирепо щипаться. Введение таких искусственных перерывов в насиживании означает, что на руке того или иного из нас обязательно появится болезненная ссадина. К тому же домашнюю гусыню нужно либо сбрызгивать водой, либо сталкивать в нее, чтобы она принесла с собой в гнездо достаточно влаги. И, наконец, нам приходится самим переворачивать яйца: даже и тут на домашнюю гусыню рассчитывать никак нельзя.

Собственно говоря, совсем обойтись без инкубатора невозможно. Я уже упоминал, что, выйдя из яйца, гусенок должен тут же принять человека в качестве родителя: таково необходимое предварительное условие, которое обеспечивает его привязанность к определенному месту. Но достигнуть этого можно, лишь ухаживая за гусятами, едва они вылупятся из яйца, — вернее, пока они вылупляются. Как мы видели, общение начинается с обмена звуковыми сигналами, словно бы вопросами и ответами, еще когда гусенок заключен в скорлупу.

В тупом конце яйца находится воздушная камера, как знают все, кто ел яйца всмятку. Любой разумный человек из-за этого пустого пространства разбивает яйцо с тупого конца — хотя всегда находятся «еретики», разбивающие яйцо с острого конца. В «Путешествиях Гулливера» Джонатана Свифта такое расхождение во взглядах ввергло Лилипутию в войну.

Проклевка начинается с того, что гусенок клювом разрывает оболочку, отделяющую камеру от остальной части яйца.

83
Пуховые перья еще остаются на кончиках контурных перьев, поскольку и те и другие растут из одних сосочков и пуховые перья выталкиваются наверх по мере того, как отрастают их преемники.

84
После того как отпадут последние пуховые перья, оперение молодого гуся приобретает безупречную гладкость. Никогда уже больше гусю не придется щеголять в столь единообразном наряде. Ведь в дальнейшем разные перья будут отрастать в разное время. Линька второстепенных маховых перьев происходит позже линьки первостепенных, в конце июня.

85, 86
У всех наших гусей на лапах надеты кольца орнитологической станции в Радольфцелле, а также по-разному комбинируемые разноцветные пластмассовые кольца, указывающие год рождения, метод вскармливания и семейные связи.

87
Чем старше становятся гусята, тем меньше каждая семья сторонится остальных гусей. Когда на озеро Альм-Зе после линьки возвращаются гуси, не выводившие птенцов, гусята узнают, какой ранг занимает их семья в общей иерархии стаи, и вскоре присоединяются к родителям в угрожающих демонстрациях, адресованных чужим гусям.

Тут он впервые вдыхает воздух в легкие. До тех пор необходимый ему кислород он получал из крови, циркулировавшей в оболочках яйца. Едва начав дышать легкими, гусенок издает жалобные односложные сигналы — «растерянный писк», — а когда снаружи доносится успокаивающий ответ, реагирует на него двусложным «приветственным сигналом». Присутствуя при таком «разговоре», в котором участвует совершенно целое яйцо, всякий раз невольно удивляешься.

Проходит несколько часов, прежде чем в скорлупе появится первая дырочка. Она, собственно говоря, не «проклевана», а проломлена давлением яйцевого зуба. Стремясь выйти из яйца, гусенок поворачивается вокруг длинной его оси и непрерывно нажимает на скорлупу яйцевым зубом. У пресмыкающихся также есть яйцевой зуб, который, как и у птиц, растет не во рту, а на кончике носа. Птенец в яйце вовсе не «клюет» скорлупу яйцевым зубом. Для этого ему просто не хватило бы места. Голова птенца наклонена вперед и лежит под одним из крыльев так, что лоб и верхняя часть клюва прижимаются к наружной пленке и к скорлупе. Шея, снабженная сильными мышцами, вытягивается, яйцевой зуб нажимает на скорлупу и проламывает в ней крохотную дырочку. Одновременно птенец слегка поворачивается вокруг длинной оси яйца, так что яйцевой зуб нажимает на скорлупу все в новых местах.

Вылупление — это вовсе не единый непрерывный процесс. После того как пробита первая дырочка, гусенок обычно некоторое время отдыхает. Ночью же вылупление прекращается полностью, — возможно, потому, что мать тогда спит. Ее помощь в процессе вылупления ограничена, но, тем не менее, очень важна.

Когда гусенок, наконец, завершит кольцевую трещину в скорлупе вокруг тупого конца (92), он вытягивает шею и сбрасывает «крышку» целиком (93). Теперь он, вытянув ноги, может без труда вытолкнуть свое тело в отверстие (94).

Как большинство покрытых пухом птенцов, при выходе из скорлупы гусенок кажется мокрым (95), потому что в яйце пуховые перья одеты тонкими роговыми чехлами, которые не дают им расправиться. Чехлы эти почти сразу же высыхают и спадают, превращаясь в мелкий порошок, а пуховые перья полностью расправляются (97). Тут уж кажется вовсе невозможным, что такой большой гусенок умещался в такой маленькой скорлупе. В это время на кончике клюва еще четко виден яйцевой зуб (96).

У вышедшего из яйца гусенка в пищеварительном тракте сохраняется значительное количество желтка, которого хвата-

88
После купания (обычно днем) гуси усердно чистят перья, особенно в период линьки. (Гуси на фотографии как раз линяют, о чем свидетельствуют перья, во множестве валяющиеся на траве.) Таким способом гуси снимают роговые чехлы, облегающие новые перья.

89
Молодые гуси во время первых своих экскурсий за пределы Оберганcльбаха летают взад и вперед над долиной Альма. Если они летят недалеко, то не выстраиваются в обычный клин.

90
Лилово-розовые цветки зорьки (Lychnis flos-cuculi L.) пестрят летом на лужках повсюду.

91
Когда молодые гуси возвращаются с тренировочных полетов, они часто испытывают большие трудности, если требуется резко подняться рад рекой, чтобы не задеть по ее берегам деревья, а затем круто спикировать и приземлиться. Планируя вниз, неопытные гуси часто теряют равновесие и их швыряет из стороны в сторону. Попытки удержаться, так сказать, на равном киле сопровождаются жалобными криками тревоги.

ет на поддержание жизни в течение двух-трех суток. Однако до того, как этот запас истощится, гусенок должен научиться находить корм в окружающем мире. И едва покинув гнездо, гусята начинают интересоваться возможной пищей. Они клюют все подряд и, вопреки моим первоначальным предположениям, не проявляют никакого инстинктивного предпочтения к зеленым предметам. Клюют они главным образом мелкие предметы и демонстрируют при этом законченные системы движений, свойственные взрослым гусям, — дергают, отщипывают и проглатывают. Однако им еще надо научиться распознавать предметы, для которых эти движения подходят (98).

Люди в роли приемных родителей помогают гусенку находить съедобные предметы, постукивая по ним пальцем. Мы заметили, что гусята, ведомые приемными родителями-людьми, энергично ныряют в лужи на тропинке или на дороге и весьма активно проделывают всю систему движений склевывания со дна лужи. В естественных илистых прудах они никогда этим не занимались — только в придорожных лужах. Мы далеко не сразу поняли, что им требовалось. Желудок у гусей мускулистый, с крепкими ороговевшими внутренними стенками. С помощью камешков, которые проглатывают гуси, этот орган перемалывает волокнистый корм. Наши гусята искали в лужах подходящие камешки для своих желудков.

Первые наши гусята страдали оттого, что их пух, когда они плавали, оказывался не столь водонепроницаемым, как у гусят, выращиваемых настоящими родителями (99). Наиболее очевидным представлялось следующее объяснение: оперению наших гусят не хватало той жировой смазки, которую в естественных условиях гусята получают, когда они устраиваются под матерью и трутся об ее отлично смазанные перья. Мы решили восполнить этот недостаток, «сдаивая» копчиковую железу взрослой гусыни и смазывая наших малышей ее выделениями. Однако после этого гусята намокали даже еще больше. Только постепенно мы сообразили, что водонепроницаемостью оперение гусенка обязано не столько жиру на перьях его матери, сколько заряду статического электричества, возникающему от трения его пуха о перья матери. Это помогло нам понять, почему гуси и другие водоплавающие птицы, если их перья утрачивают водонепроницаемость, так долго и тщательно их чистят (100). Этим они восстанавливают электрический заряд, а с ним водонепроницаемость своего оперения. Поняв, в чем дело, мы начали усердно растирать наших гусят шелковой тряпочкой, и

92
Самый разгар трудоемкого процесса вылупления. Гусенок проломил трещину на половину окружности тупого конца скорлупы. Хорошо видны пуховые перья в роговых чехольчиках. К концу насиживания изначально белая скорлупа приобретает тусклый грязновато-бурый цвет, что объясняется постоянным соприкосновением с жирными перьями насиживающей гусыни. Это одно из яиц, насиженных домашними гусынями и перед самым началом выклевывания помещенных в инкубатор.

они приобрели не меньшую водонепроницаемость, чем гусята, опекаемые настоящими родителями.

Однако все эти меры далеко не так важны для благополучия гусенка, как психологическая опека. Уже говорилось, что общение между матерью и выводком начинается задолго до того, как гусенок пробьет первую дырочку в скорлупе. После выхода из яйца общение это становится более интенсивным и роль его непрерывно возрастает. Выбравшись из скорлупы, гусенок почти тут же пытается поднять голову. Когда это ему удается, он уже может ответить на стимул, исходящий от родителя-опекуна, не только приветственным писком, но и соответствующей демонстрацией — поднимает голову и вытягивает шею. Несколько позже, когда у гусенка появляется зрительная ориентация, он вытягивает шею в том направлении, откуда доносятся привычные звуки, или в том, где он видит движения своего опекуна. Гусенок смотрит в этом направлении с пристальным вниманием, словно запечатлевая в памяти облик опекуна, — особенно четко это проявляется, когда опекун наклоняется над гусенком сверху и тот поворачивает голову, чтобы поглядеть на него одним глазом. На самом деле так оно и есть. У гусенка имеется врожденная информация, которая, если перевести ее на язык слов, означает следующее: «Тот, кто откликается на твой «зов потерявшегося гусенка», — твоя мать. Хорошенько запомни, как она выглядит».

На этом первом этапе общения между матерью и птенцом протекает важнейший процесс запечатления, который невозможно ни повторить, ни изгладить. Если гусенок ведет этот диалог с человеком, пусть даже всего три-четыре раза, позже обнаруживается, что врожденные формы поведения у только что вышедшего из яйца гусенка уже навсегда привязаны к приемному родителю-человеку. Насколько нерушимы эти узы, показал мне самый первый из моих серых гусят. Я забрал его из-под насиживавшей кладку домашней гусыни на какие-нибудь несколько минут и вызвал описанную выше реакцию приветствия. С этого момента гусенок упрямо отказывался признавать домашнюю гусыню своей матерью. Он не мог освободиться от убеждения, что его мать — я.

Приемные родители могут с полным успехом сыграть роль матери только в том случае, если они готовы на протяжении нескольких недель все свое время безраздельно отдавать усыновленным и удочеренным гусятам. Приемышей нельзя оставлять одних ни на минуту, потому что они тотчас начинают растерянно «плакать». То есть они испускают «зов потерявшегося гусен-

93
Вытягивая шею, гусенок столкнул «крышку» с яйца. Вскоре, брыкнув ногами, он совсем выберется из скорлупы.

94
Гусенок только что покинул скорлупу и некоторое время пролежит неподвижно, отдыхая после своих огромных усилий. Тем не менее, он скоро поднимет голову, попробует забраться в оперение матери и испустит нежный приветственный писк в направлении источника первого звука, который услышит.

95
Только что вылупившийся гусенок пока еще не способен поднять голову или шею, а его крохотные крылышки по-прежнему плотно прижаты к бокам.

96
На кончике глянцевито-черного клюва юного гусенка виден желтый яйцевой зуб, с помощью которого проламывалась скорлупа. Через несколько дней яйцевой зуб отпадет.

97
Гусенок, забираясь под мать, трется о ее перья и в результате очищает свои от роговых чехлов, превращаясь из мокрого уродца в пушистый зеленовато-золотистый шарик.

98
Маленький гусенок способен выполнять все движения кормящегося взрослого гуся, но в первые дни у него не хватает силенок выдергивать стебли травы и других небольших растений. Однако никакой серьезной проблемы не возникает, так как гусенок способен трое суток прожить на остатках желтка в своем пищеварительном тракте.

99
Гусятам необходимо тереться о материнские перья, чтобы их оперение стало водонепроницаемым. Это происходит, когда они забираются под нее. Поскольку гусята, выращиваемые людьми, лишены подобной возможности, их оперение не столь стойко к воде, как у их ровесников, в чем легко убедиться на примере этого гусенка — его намокшие перья слиплись на спине и крыльях.

100
Оперение у Наташи — гусенка, воспитанного людьми, — тоже не совсем водонепроницаемо, а потому она занимается своим туалетом с особым тщанием. На фотографии запечатлено движение, с помощью которого выделения копчиковой железы размазываются по оперению (в этом возрасте железа еще не функционирует).

ка» — сигнал тревоги, на который родители реагируют немедленно. Люди в роли родителей должны поступать так же, иначе гусята превратятся в невротиков — или, по меньшей мере, у них появятся нарушения в поведении, которые полностью обесценят их как материал для изучения социального поведения.

Чтобы обеспечить усыновленным гусятам здоровую психику, с ними необходимо проводить столько времени, что занявшийся этим ученый вынужден подолгу жить в полном единении с природой. Приемный родитель делит с гусятами все их маленькие радости и горести. Сочувственно улыбаешься, если, оказавшись в крапиве, они испуганно пищат, и делишь их удовольствие, когда они испускают «крики удовлетворения», пощипывая цветки «заячьей лапки» (101).

В хорошую погоду под теплыми лучами солнца заменять мать водоплавающим птицам как будто вовсе и не работа (102, 103). Однако каждому понятно, что день за днем круглосуточно оставаться в обществе молодых гусят под проливным дождем не так-то просто (104), тем более что плащи приемных родителей куда более водопроницаемы, чем оперение молодых гусей. Природа отлично защитила гусе от плохой погоды. Ливни их нисколько не беспокоят, но если выпадает град, они задирают клювы вверх, чтобы градины лишь скользили по их головам, а не барабанили по ним (105).

В нашей альпийской долине погода то и дело резко меняется, и радуга, запечатленная на фотографии 106, — желанная вестница перемены к лучшему.

Приемный родитель обязан ознакомить гусят с окружающей местностью, чтобы они научились ориентироваться. Для этого необходимо совершать с ними далекие экскурсии. Тут для людей, заменяющих гусятам родителей, наступает самая тяжелая и полная забот, но также и самая благодарная пора. Я намеревался подробно ознакомить наших молодых гусей не только с прудами Обергансльбаха, но и со всем обширным участком долины Альма, который был предоставлен в наше распоряжение. Естественно, что водить на такие расстояния совсем маленьких гусят немыслимо, а потому нам приходилось откладывать уроки географии до той поры, когда наши питомцы подрастали и могли совершать эти экскурсии без переутомления. Иными словами, в нашем распоряжении было только несколько дней непосредственно перед тем, как молодые гуси поднимались на крыло.

Попытка вывести их из Обергансльбаха всегда превращалась в долгую и довольно скучную процедуру, так как гуси — существа

101
«Заячья лапка» — любимое лакомство гуся (Латинского названия этого красивого растения мы, стыдно признаться, не знаем).

102
Важнейшее качество, каким должен обладать наблюдатель гусей, — это терпение. Тот, кому скучно сидеть с гусями по многу часов подряд и разделять их повседневную жизнь, попросту не создан для такой работы.

на редкость консервативные и очень не склонны уходить в неведомое. Приемные родители и я в роли всеобщего «дядюшки» тратили массу времени, подзывая к себе гусей и выжидая, пока они, наконец, решатся покинуть Обергансльбах, чтобы отыскивать новые пути. Однако потом, когда молодые гуси впервые оказывались на новой для них территории, они старательно шли за нами по пятам. Стоило им хоть чуть-чуть отстать, как они начинали испускать крики тревоги. Естественно, что в столь новой ситуации они чувствовали себя неуверенно, и только присутствие привычных людей-опекунов успокаивало и поддерживало их. Именно поэтому прогулки по незнакомым местам создают крепчайшие узы. Этим способом может воспользоваться и владелец собаки. Тому, кто обзаведется псом, уже слишком взрослым для установления идеальных отношений «хозяин — собака», лучше всего отправляться с ним в долгие прогулки по незнакомым местам. Собака от природы склонна к экскурсиям на большие расстояния. Она любит бегать, и чем дальше и быстрее будет ходить с ней новый хозяин, тем больше это будет способствовать достижению цели.

В последнем отношении гуси совсем не похожи на собак. Когда нам удавалось увести стаю в незнакомую местность и гуси начинали идти за нами охотно и послушно почти со скоростью человека, мы несколько раз совершали ошибку, вынуждая их слишком быстро проходить довольно большие расстояния. Люди — существа нетерпеливые. Однако мы вскоре убедились, что стоило подобным образом использовать их страх перед неизвестным, и в следующий раз гуси попросту отказывались покидать Обергансльбах. Они словно говорили: «Больше не заманите!» Это был один из первых случаев, показавших нам, что подвергать гусей неприятным испытаниям неразумно. А также — и это важнее, — что гуси труднее смиряются с «обманутыми ожиданиями», чем дети. Во время прогулок с нашими стаями нам пришлось приноравливаться к гусиной скорости и не выбирать путей, которые вызывали у гусей тревогу. Например, они старались избегать густого кустарника и не хотели идти по каменистым тропинкам, от которых болели их нежные лапы.

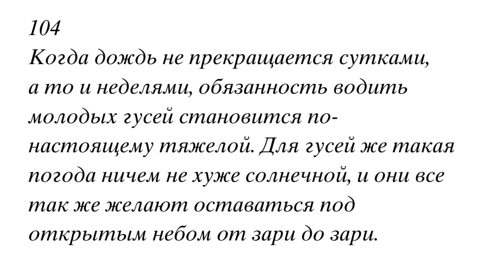
Время от времени мы останавливались передохнуть или устраивали привал в каком-нибудь приятном для гусей уголке, где были вкусные съедобные растения, легкодоступный водоем и широкий обзор.

С помощью этих приемов, подхваченных у них же, мы заманивали гусей за собой на все большие и большие расстояния. Затем, когда они уже хорошо летали, нас одолело честолюбие и мы реши-

103
В жаркий летний день любой посторонний зритель решит, что водить стаю молодых гусей по такой живописной местности — одно удовольствие. Но подобные обязанности сопряжены и с большой самоотдачей, и с долготерпением, так как потребности гусят необходимо удовлетворять, где бы и когда бы они ни возникли.

104
Когда дождь не прекращается сутками, а то и неделями, обязанность водить молодых гусей становится по-настоящему тяжелой. Для гусей же такая погода ничем не хуже солнечной, и они все так же желают оставаться под открытым небом от зари до зари.

105
Под проливным дождем или градом гуси плотно прижимают перья и высоко задирают головы, сводя до минимума поверхность тела, открытую ударам стихии.

106
Отбушевала летняя гроза, и над укрытой облаками долиной раскидывается радуга.

107
Когда мы идем гулять вдоль реки Альм, гуси пролетают небольшое расстояние низко над водой, а затем садятся и поджидают нас.

108
Для того чтобы увести гусей за пределы знакомой территории, их человеческие спутники должны идти «сомкнутой стаей». Путешествие по неизвестной местности для гусей сопряжено со значительным риском.

ли отправиться с ними в путешествие до самого озера Альм-Зе. Мы предположили, что наши приемные дети, которые во время предыдущих прогулок часть пути летели за нами, смогут улететь с озера Альм-Зе в Обергансльбах. Они уже были в определенной мере к этому подготовлены: мы убегали от них вверх по реке так, что они за нами не поспевали, а потом звали их издали. И они летели к нам, держась у самой поверхности воды (107), после чего обязательно вознаграждались за послушание долгим отдыхом и наиболее лакомыми растениями, которые я собирал для них по дороге.

В этот знаменательный день мы вышли из Обергансльбаха рано поутру (108). Даже трудно себе представить, как утомительно для человека идти со скоростью стаи гусей — не больше двух километров в час. А потому привалы, которые нам приходилось устраивать ради гусей, были не менее приятны и нам самим (109, 110, 111). В хорошую погоду эти остановки для восстановления сил доставляли нам массу удовольствия — особенно длительный отдых в середине дня.

Обычный гусиный распорядок включает принятие ванны около полудня. Сразу же после ванны гусь обязательно должен со всем тщанием привести перья в порядок и восстановить их жировую смазку. Пока гуси заняты своим туалетом, столь для них необходимым, заставить их пойти дальше можно, лишь применив грубое физическое насилие. Даже самые послушные молодые гуси упорно отказываются следовать за приемными родителями-людьми, если те, нарушая естественный порядок вещей, пытаются повести их дальше. Родители-гуси, конечно, не совершили бы такой ошибки, поскольку тоже приняли бы ванну и тоже должны были бы привести в порядок свое оперение. По столь же нерушимому обычаю эта процедура завершается довольно долгим сном.

Приемные родители-люди спят даже крепче своих питомцев. Ведь им приходится вставать с петухами (к этому моменту гуси уже пробуждаются) и трудиться до наступления ночи, когда их приемные дети отходят ко сну. Однако у моих коллег и после этого хватает работы, а потому они хронически не высыпаются, что и восполняет «тихий час» в разгар дня. Трудно представить себе что-либо уютнее этой общей сиесты людей и птиц. Мелодичный крик, который испускают, засыпая, молодые гуси, служит чудесной колыбельной, а в совместном отдыхе диких птиц и цивилизованных людей на лоне нетронутой природы есть что-то почти священное. Тем более обидно и досадно, когда из внезапно появившейся тучи — что весьма обычно для долины Альма — на спящих льет холодный дождь. И вот тут проявляется заметная

109
Во время привала молодые гуси с любопытством пощипывают джинсы своей приемной матери, уже сильно пострадавшие от такого обращения.

111
Мы срываем любимые кормовые растения наших воспитанников вроде бодяка, чтобы побаловать гусей на привале. В центре этой фотографии — впоследствии столь прославившаяся Сельма и двое ее братьев, когда им было всего два месяца.

110
Во время прогулок гуси любят подолгу останавливаться, чтобы поплескаться в мелкой воде у берега или полакомиться любимыми растениями, которые нарвали по дороге их спутники. На фотографии они едят хвощи, специально для них собранные.

112
Для того чтобы добраться до озера Альм-Зе, мы должны часто переходить с одного берега на другой. Быстрое течение и галечное дно превращают это в нелегкую задачу, и время от времени кто-нибудь из нас обязательно падает в воду. В теплую погоду это еще не так страшно, но когда холодно и пасмурно, идти дальше в мокрой насквозь одежде более чем неприятно.

113
Участвующим в прогулке людям привал под дождем не доставляет никакого удовольствия, но гусей подобная погода нисколько не смущает. На фотографии они предаются одному из своих излюбленных занятий — щиплют непромокаемый плащ приемной матери. Члены гусиной семьи (на заднем плане) уже устроились вздремнуть.

разница между птицами и людьми. Просыпаются только вторые и, бормоча проклятия, натягивают плащи. Гуси же в такой защите не нуждаются и продолжают сладко спать (113).

Во время этой экскурсии, как и во всякой прогулке вверх по долине, мы шли вдоль реки Альм, потому что гуси не любят срезать путь. Плоские удобные для гусей полоски пляжа тянутся то по одному берегу, то по другому, и нам постоянно приходится переходить вброд стремительный поток, в котором очень легко поскользнуться и упасть (112). Мы настолько настроились на восприятие наших гусей, что и сами испытали неприятное чувство, когда вынуждены были пойти напрямик по лесной дороге (117), хотя она и очень красива. Бледно-желтые цветки в траве — это наперстянка (114), реку обрамляют более скромные цветки крохотной песчанки (115) и маленьких колокольчиков (116).

И гуси, и их спутники очень устали, когда, наконец, добрались до места, где река Альм вытекает из озера Альм-Зе. Там нас ждала лодка, и этот незнакомый предмет вначале вызвал недоверие у наших питомцев, которые и так уже были встревожены соседством широкого водного пространства, впервые ими увиденного. Как у многих стадных животных, у охваченных тревогой гусей стадный инстинкт берет верх даже над обычным отвращением к чужакам. На фотографии 119 видно, как четыре семейства молодых серых гусей, выращенных четырьмя разными людьми, сбились в одну плотную стаю. «Дома» — на прудах, где они выросли, — они никогда ничего подобного не проделывали.

Потребовалось порядочное время, прежде чем гуси освоились с лодкой, хотя все четверо приемных родителей и я, хорошо знакомый «дядюшка» всей стаи, сидели в ней и звали своих питомцев. Но, в конце концов, они все-таки поплыли за лодкой тесной кучкой (120). Позднее они привыкли к этой лодке, однако и по сей день следуют за ней, только если знают сидящих в ней людей. Когда в лодке сидят посторонние, гуси пугаются почти так же, как при встрече с другой лодкой. В этот первый день мы повели гусей к северному концу озера неподалеку от истока речки, где топкий берег зарос болотными травами и мхом. Там можно обыскать очаровательное насекомоядное растеньице росянку (*Drosera rotuvdifolia L.*).

Во время этой первой экскурсии на озеро Альм-Зе гуси значительную часть расстояния летели, хотя, как упоминалось выше, держась очень низко над водой и точно следуя извивам реки. Однако последний отрезок пути пролегал по густому лесу, так как берега там настолько круты, что идти вдоль реки мы не могли.

117
Если мы сворачиваем на тропу, уводящую от реки, гуси настораживаются, бдительно посматривают вокруг и при первой возможности торопятся вернуться к Альму. Стоит им отойти от воды, и достаточно малейшей тревоги, чтобы они взлетели. В таких случаях они обычно летят назад в Обергансльбах, сводя на нет все наши усилия. На фотографии видно, в каком напряжении находятся гуси — шеи вытянуты вверх, перья плотно прижаты, взгляд искоса устремлен на лес.

И когда мы наконец добрались с нашей гусиной стаей до озера, был уже час дня. Тронулись в путь мы около семи, и на прогулку ушло шесть часов. Теперь нам предстояло принять трудное решение. Чтобы вознаградить гусей за их усилия, следовало провести как можно больше времени в месте, которое пришлось бы им по вкусу. Это значило, что нам предстояло до вечера оставаться с ними в очаровательном уголке на южном берегу озера (121). Мы знали, что сумеем вызвать у наших гусей побуждение лететь, имитируя крики полета и соответствующие движения, а затем, пробежав перед ними, заставим их подняться в воздух. Но вот что будет потом, мы не знали. Сделают ли гуси несколько кругов и опустятся на землю рядом с нами или, как мы надеялись, вернутся по воздуху к месту привычного ночлега? Если гуси обманут наши ожидания, мы будем вынуждены прогуляться с ними вниз по реке, на что потребуется часов семь. Хуже того: если темнота застанет нас в пути, нам придется переночевать с гусями под открытым небом. Для меня в моей еще сырой одежде это было чревато порядочным риском, и я начал прикидывать, не сослаться ли на него, буде возникнет такая необходимость, чтобы изменнически покинуть моих коллег и моих гусей. Короче говоря, ситуация требовала точнейшего чувства меры. Чем дольше мы ждали, тем больше было шансов, что гуси придут в сонное настроение, а потому, когда мы поднимем их в воздух, отправятся к месту обычного ночлега. С другой стороны, чем дольше мы ждали, тем неприятнее становилась перспектива возвращения пешком.

Мы медлили до половины шестого — времени, когда стремление лететь у гусей обычно уже очень сильно. Затем исполнили ритуал побуждения к полету (зрелище для посторонних на редкость забавное), и наши гуси тотчас взлетели. Они сделали полный круг над озером, а мы тревожно следили за ними, тщательно соблюдая тишину, когда они пролетали над нами, чтобы случайно не позвать их к себе. Стая сделала еще круг, и когда гуси пролетали над нами во второй раз, мы заметили, что они набрали значительную высоту. Они свернули в речную долину и скрылись из виду, а мы глядели им вслед с облегчением, к которому примешивалась тревога.

В Обергансльбахе возле одной из хижин сидели те наши сотрудники, которые не участвовали в прогулке. Мы не могли заранее предупредить их, когда отправим гусей с озера обратно, а потому они испытали большое облегчение и радость, едва высоко в небе над речной долиной показалась наша стая молодых гусей

114
Наперстянка крупноцветковая (Digtalis grandiftora L.) цветет на вырубках и на полянах у тропы.

115
Крохотная песчанка (Moehringia ciliata L.) растет по берегам реки Альм и на галечных пляжах у озера.

116
Колокольчик круглолистный (Campanula rotundifolia L.) цветет на лужках, обрамляющих реку.

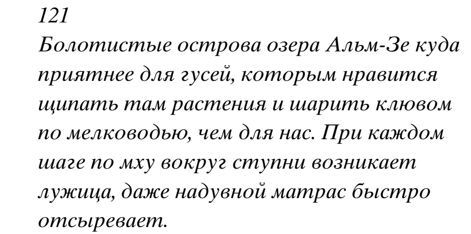

118
Когда мы в первый раз добрались до озера Альм-Зе, гуси обрадовались, вновь увидев широкое водное пространство, но в то же время побаивались новой обстановки, а потому старались держаться поближе к нам.

119
Наши молодые гуси знакомились с озером. Никогда еще они не плавали по такому большому водоему и не видели такой глубины. Сперва они несколько робели, потому что вода на редкость прозрачна и дно видно до мельчайших камешков. Гуси держались тесной группой и быстро плыли рядом с лодкой, настороженно вытянув шеи вперед.

120
Несколько освоившись с озером и лодкой, гуси поплыли за нами длинным строем по одному и даже пролетали некоторое расстояние, чтобы догнать нас. Но так они реагировали только на нашу лодку, а все остальные избегали, ни разу с нашей не спутав.

121
Болотистые острова озера Альм-Зе куда приятнее для гусей, которым нравится щипать там растения и шарить клювом по мелководью, чем для нас. При каждом шаге по мху вокруг ступни возникает лужица, даже надувной матрас быстро отсыревает.

(122), резко пошла на снижение и, наконец, без колебаний опустилась на землю возле хижины (123). После столь утомительного дня все гуси тотчас уснули. На фотографии этого спящего гуся легко отличить более старые и светлые птенцовые перья с узкими кончиками, на которых еще недавно висел последний пух, от новых, более темных и с тупыми концами, перьев взрослого наряда (124).

Конец лета, пожалуй, самое чудесное время года в североальпийских долинах. Дни чаще бывают ясными и погожими. Глядя на поздние цветки горечавки паннонской (125) и бодяка (126), забываешь, что осень уже не за горами. В солнечные сентябрьские дни так и кажется, что лето еще в разгаре (127). Однако теперь, когда стремление лететь у гусей все усиливается, они причиняют своим приемным родителям много беспокойства. Люди, к сожалению, летать не умеют, и мы нередко остаемся на земле в одиночестве и тревоге.

Внезапно в одно прекрасное утро горы покрываются снегом (130), листья желтеют (128) и паутина на заре одевается жемчугами (129). И вот тогда наших диких гусей охватывает настоящее предотлетное беспокойство. И нас тоже, хотя мы и знаем по опыту, что навсегда они не улетят, а если некоторые все-таки исчезнут, то вполне можно надеяться, что рано или поздно они вернутся. И мало что радует нас так сильно, как возвращение давно улетевшего серого гуся. В глубине души у нас таится желание, чтобы некоторые из наших гусей встретились с дикими серыми гусями, обитающими на озере Нёйзидлер-Зе, и переняли у них традицию улетать в дельту Дуная. Мы прекрасно сознаем опасности таких перелетов, но все-таки были бы рады, если бы наши гуси походили на своих диких собратьев и миграционным поведением. А потому, когда наши возлюбленные гуси пролетают высоко над нами, хором испуская «миграционный клич», мы стоим внизу на земле и следим за ними с двойственным чувством (131).

В это время года я часто вновь переживаю минуту, которую помню удивительно ясно, хотя с тех пор прошло семьдесят лет. Я уверен, что тогда еще не учился в школе и даже не умел читать. Мы гуляли по заливным лугам Дуная, и я, непослушно убежав вперед, несмотря на запрет моей опасливой матери и даже еще более опасливой тетушки Ядвиги, стоял среди кустов почти на самом берегу. У меня над головой раздались странные металлические звуки, и я увидел высоко в небе стаю диких гусей, летящих вниз по реке. Человеческие эмоции развиваются очень рано и остаются неизменными до конца жизни. Я и сегодня вновь ощущаю

122
Высоко в небе над Оберганcльбахом появляются гуси, летящие с озера Альм-Зе. Еще не достигнув наших прудов, они испускают громкие крики, удары их крыльев стихают, и заключительный отрезок пути они планируют.

123
Гуси описывают над нами несколько кругов и опускаются рядом с хижинами.

124
На этом молодом гусе легко отличить перья птенцового наряда от взрослого оперения. На кончиках светлых птенцовых перьев с острыми концами еще сидит желтый пух, а темные перья с тупыми концами и светлой обводкой принадлежат взрослому наряду.

125
Горечавка паннонская (Gentiana pannonica Scop.) цветет в редколесье на исходе лета.

126
Бодяк болотный (Cirsium palustre L.), высотой с человека, зацветает, когда молодые гуси полностью овладевают искусством полета.

то, что ощутил тогда. Я не знал, куда летят эти гуси, но мне хотелось отправиться с ними. Меня переполняла романтическая жажда странствий, от которой вздымалась грудь, и сердце готово было разорваться. И впервые — это я знаю точно — во мне возникло непреодолимое желание выразить себя творчески. Для своего возраста я неплохо рисовал, и мать поощряла меня: в моем распоряжении всегда был большой стол, набор цветных мелков, неистощимый запас бумаги и жестяная банка из-под печенья, полная всевозможных цветных карандашей.

После минуты, пережитой у Дуная, я часто рисовал и раскрашивал гусей — и в результате еще в этом нежном возрасте с горечью осознал, что в мире искусства художник неизбежно создает только мазню, если его энтузиазм превосходит его творческие возможности. Но, во всяком случае, мне известен один автор, чей художественный талант воздал должное романтическому ореолу перелетных птиц и чье произведение с величайшей тонкостью рисует их полную опасностей и героическую жизнь. Это Сельма Лагерлеф. Ее «Чудесное путешествие Нильса Хольгерссона с дикими гусями» попало мне в руки уже после того, как перелетные гуси столь меня поразили. Сначала эта книга не показалась мне интересной: заголовок навел на мысль, что Нильс Хольгерссон путешествовал на поезде с дикими гусями в клетках. Мое живое воображение подсказало, что этих гусей зарежут, — к сожалению, я уже видел у нас дома, как это делается. Но потом я сообразил, что книга Сельмы Лагерлеф — совсем о другом. Затем мне прочли ее вслух. Потому-то я и могу с такой точностью определить даты. Читать я научился рано, еще до того, как пошел в школу, и, следовательно, все это случилось до 1909 года.

Романтика моего детства неразрывно связана для меня с порой перелета гусей. Она пробуждается вновь, когда высоко надо мной пролетают наши дикие гуси, и детская мечта становится явью, когда они, словно в волшебной сказке, спускаются на мой зов (132). На фотографии видно, как Сибилла Калас поспешно присела на корточки, чтобы побудить гусей приземлиться именно здесь. Когда гуси пролетают высоко в небе, мы видим их примерно так, как показывает фотография 133. Гуси же видят наш дом, скорее всего, так, как он выглядит на фотографии, снятой с высокой горы (134). Какими маленькими мы должны им казаться! И даже если звук наших голосов разносится далеко, он, без сомнения, должен быть совсем слабым, когда достигает их. Этот контраст заставляет меня особенно остро ощущать все чудо нашей близости с дикими птицами. Секунду назад гуси плыли среди облаков, а секунду

130
Осенью по вечерам, когда начинает смеркаться, гуси улетают из Ауингерхофа на озеро Альм-Зе, где они ночуют. Прежде чем приготовиться ко сну, они некоторое время шарят клювами в илистом дне у самого берега.

127
Теплые солнечные дни на озере Альм-Зе в конце лета и в начале осени особенно хороши. Утренний туман рассеивается, открывая зеленое зеркало озера под сияющим синим небом. Только над горами виднеются легкие полосы перистых облаков.

128
Осенью листья клена становятся ярко-желтыми.

129
Утром паутину унизывает сверкающий бисер росы.

спустя они уже так близко, что хочется снимать их просто так, ради чистого удовольствия, — соблазн, которому и поддалась Сибилла (135, 136, 137). Последняя из этих фотографий особенно ясно показывает, как она при этом веселилась.

Опасности, с которыми снова и снова сталкиваются перелетные птицы, становятся особенно ощутимыми потому, что во время этих долгих перелетов несколько птиц обязательно отбиваются от стаи. Мы не знаем, то ли они по собственному выбору присоединяются к другой стае, то ли (что более вероятно) просто сбиваются с пути. Но когда мы следим за тем, как гусиная стая исчезает вдали и ее крики постепенно замирают, нас всегда томит тревога.

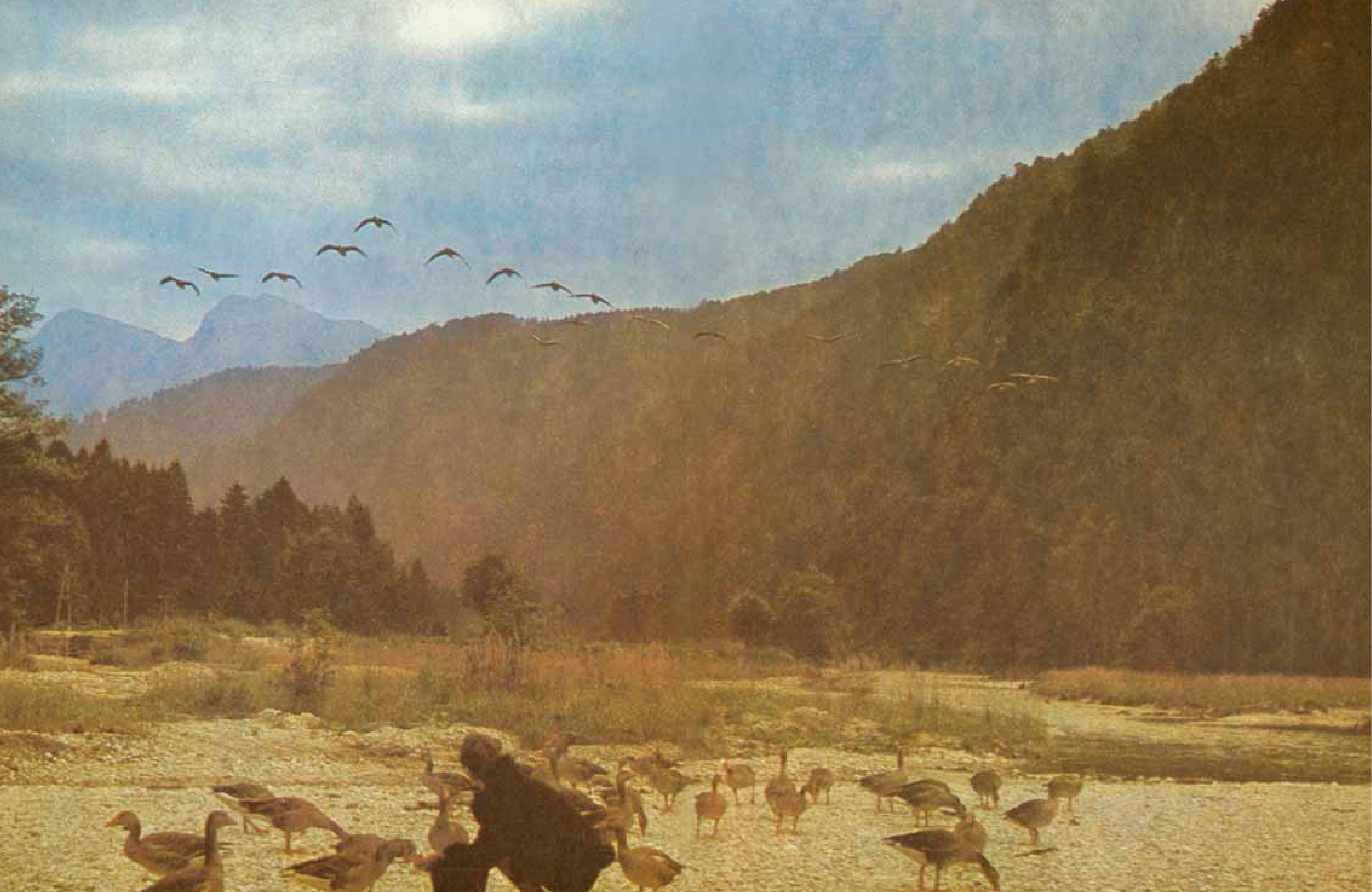
Однако сезон осенних перелетов — время не только утрат, но и радостных воссоединений. Как я уже упоминал, мы с надеждой ждем возвращения гусиных пар, которые выводили птенцов в других местах. Осенью они появляются в долине Альма в сопровождении своего нового выводка, и нам не терпится узнать, не найдут ли молодые гуси себе пару среди наших гусей, так как это означает, что они останутся у нас. На фотографии 138 запечатлено возвращение осенью 1976 года семьи гусыни Икси, которая вывела птенцов в Баварии.

Не столь поэтично, но по-своему глубоко трогательно возвращение заблудившихся гусей на поезде. Осенью наши привыкшие к своим приемным родителям гуси нередко ищут приюта у незнакомых людей, и мы узнаем о том, где они, через орнитологическую станцию в Радольфцелле. Особенно приятно вспомнить историю братьев Ксавера и Валентина, выращенных в 1973 году в Институте имени Макса Планка в Зеевизене, когда мы еще работали там. Они явились в гости к очень милым людям, живущим под Ландсхутом в Нижней Баварии, и те любезно сообщили нам об этом. Мы написали им, прося поймать гусаков и отправить поездом в Зеевизен, где мы их тотчас заберем, но забыли предупредить, что двух гусей можно изловить только одновременно. Один ручной гусь позволит, чтобы его схватили и унесли, но второй, увидев, что произошло, остережется и не даст себя поймать. Наши новые знакомые поймали только Ксавера, посадили его в ящик и отослали в Штарнберг, ближайшую от Зеевизена железнодорожную станцию. А Валентин улетел. Однако ящик с Ксавером еще не прибыл в Штарнберг, когда Валентин, усталый, но целый и невредимый, самостоятельно добрался до Обергансльбаха. Нет, он явно не утратил чувства направления! Когда его брат пропал, пока они отдыхали под Ландсхутом, он проникся неприязнью к этому месту и решил лететь домой.

131
В ветреные дни в наших гусях просыпается предотлетное беспокойство, и они часами кружат в облачном осеннем небе над горами, хотя в конце концов возвращаются к нам. Во время таких долгих полетов они всегда выстраиваются типичным клином.

132
Осенью гусиная стая перебирается из Обергансльбаха на галечные пляжи возле здания института на озере Альм-Зе. Сначала гуси несколько робеют и не сразу рискуют приземлиться. Чтобы побудить их к этому, мы бежим перед ними и внезапно останавливаемся.

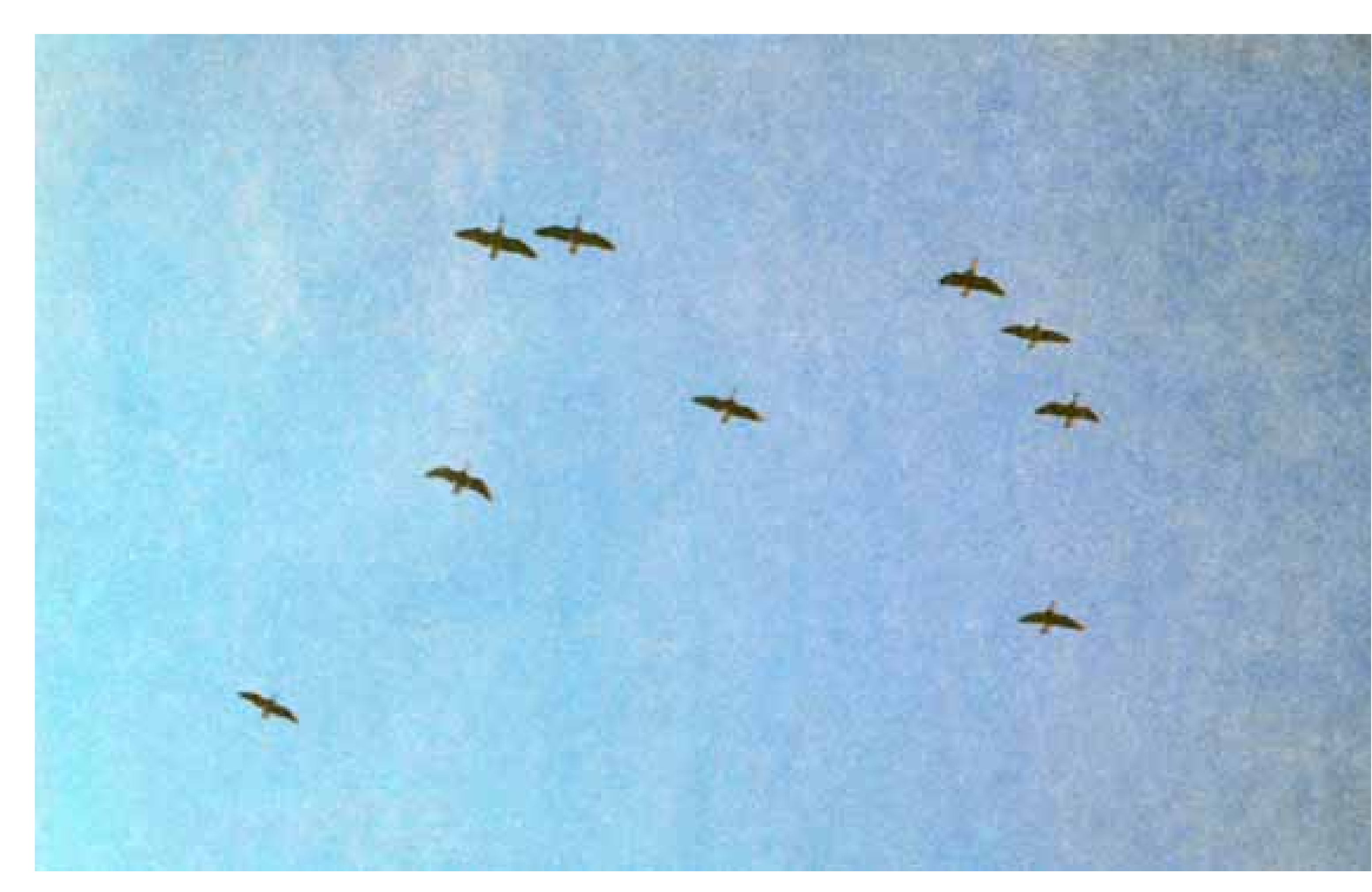

Как бы ни было хлопотно и дорого везти гусей из дальних мест, где они вдруг обнаруживались, оно того стоит. Эти гуси, которым, несомненно, пришлось пережить какие-то страшные приключения, после своего возвращения обычно крепче привязывались к нам и к своему родному дому. Тут так и напрашивается слово «благодарность». Как-то, когда Сибилла явилась востребовать ящик с заблудившимся гусаком на ближайшую от нас железнодорожную станцию и спросила у носильщика, куда пройти, в ответ донеслись громкие приветственные крики и гогот: гусак в закрытом ящике узнал ее голос!

Гуси, выводившие птенцов в других местах, иной раз пролетают от своего гнездовья до долины Альма несколько сотен километров. И наоборот, наши гуси, гнездящиеся тут, пролетают всего по нескольку километров, не дальше, чем от Обергансльбаха до Ауингерхофской мельницы. Как я уже говорил, многие гуси отправляются туда даже раньше, чем их опекуны переберутся из своей хижины в здание института. Впрочем, последние только благодарны за намек, что настал срок для переезда, поскольку в эту пору может наступить резкое похолодание.

На смену осени приходит зима — в долине Альма это часто случается раньше, чем нам хотелось бы. Едва ложится снежный покров, наши гуси, до тех пор державшиеся на лужках вокруг института, начинают все время проводить у реки, на песчаных отмелях, где для них есть корм (139, 140). Они уже угомонились — период миграционной лихорадки миновал, и их поведение не обещает теперь ничего особенно интересного. Тем не менее мы проводим с ними все время, какое можем, чтобы поддерживать доверие, которое они к нам питают. Но даже в самой теплой одежде мы мерзнем гораздо сильнее гусей, и нам остается только завидовать эффективности их теплоизолирующего оперения, которое пропускает воздух и не пропускает ни влагу, ни холод.

Отмели Альма не обеспечивают надежной защиты от лисиц, а потому с приближением сумерек гуси улетают вверх по реке, чтобы переночевать на плесе озера Альм-Зе, свободном ото льда. С первыми лучами зари наши гуси прилетают обратно, покрывая расстояние в восемь километров. Как уже говорилось, они все время летят на той высоте, на какой оказались, взлетая с гораздо более высокой точки, а потому Обергансльбах остается далеко внизу, и они круто устремляются к земле, гремя крыльями. В морозы гуси стараются ходить поменьше и нередко стоят у края отмели, грея лапы в относительно теплой воде реки Альм (143).

133
Гуси летят над институтом высоко в небе.

134
Если поглядеть на институт со склона Касберга, можно получить представление о том, что видят гуси, пролетая над ним. В центре фотографии видны озеро Альм-Зе и галечные пляжи, на которые они любят опускаться.

135
За несколько секунд до того, как коснуться земли, гуси выставляют вперед ноги и тормозят мощными взмахами крыльев.

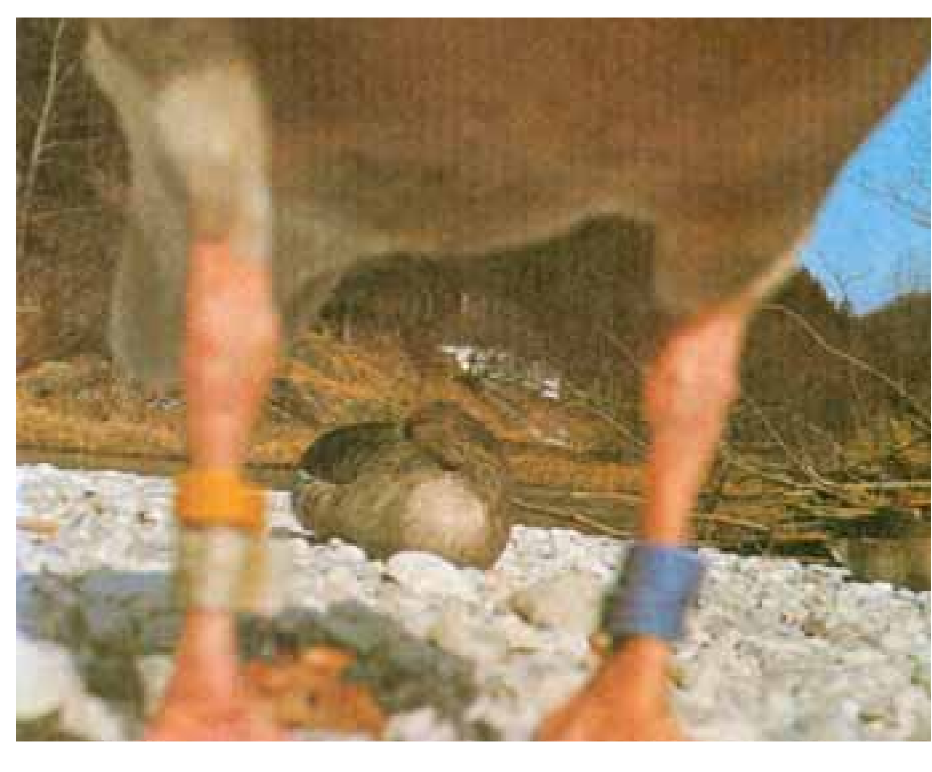
136
Поразительное зрелище, к которому невозможно привыкнуть: в небе появляются гуси, делают несколько кругов и в вихре машущих крыльев опускаются на землю рядом с нами.

Мне не хотелось бы жить в стране, где времена года почти не отличаются друг от друга. Если человек, подобно членам нашей исследовательской группы, живет в тесной близости с природой и ее живыми созданиями, он проникается любовью к каждому времени года. Как прекрасны холодные безоблачные дни в долине Альма, когда солнце озаряет горные гребни, а долина погружена в тень и над водой висит туманная дымка! И какое это великолепное зрелище, когда взглянешь в просвет между тучами, повисшими над темной угрюмой долиной, и увидишь в вышине стаю гусей, озаренную косыми лучами утреннего солнца! И потом — упоительное мгновение, когда гуси, прорвавшись сквозь туман, возникают под тучами и опускаются на отмель, а ветер, поднятый их крыльями, взметывает вихри колючего снега!

Холода еще держатся, но дни становятся длиннее, солнце сияет ярче, и гуси все больше оживляются. Если осень приходит в долину Альма медленно и незаметно, то весна врывается совершенно внезапно. Однажды вечером наступает оттепель (144) — с Мертвой горы в долину рушится южный ветер и снег сразу набухает. Едва на земле появляются первые проталины, как раскрываются первые чарующие весенние цветы вроде селезеночника (141) и белоцветника (142). Для гусей это знаменует наступление нового периода возбуждения, любви и ревности. И для людей-наблюдателей тоже начинается новая пора волнений и напряжения, когда не успеваешь записать все, что хотелось бы. И еще — это пора надежды. Потому что именно теперь должны проявляться различные интересные аспекты социального поведения — иерархические изменения, образование новых пар и еще многое другое. Теперь исследователю приходится вставать особенно рано и бессменно оставаться на своем посту. Мы убедились на опыте, что события, наиболее существенные для наших изысканий, происходят именно ранней весной. Это пора, когда мы предвкушаем новые открытия, а также появление многих новых гусиных семей.

137
В осенние дни мы вместе с гусями, которые расположились поблизости на дневной отдых, наслаждаемся последними теплыми лучами солнца. На фотографии ноги Альмы служат достойной рамкой для нашего института.

138
В ветреный осенний день Иксы и Лаккини внезапно прилетели на озеро Альм-Зе с выводком, который вырастили на озере Хим. Они подходят очень осторожно, очень неуверенно и, только внимательно осмотревшись, начинают успокоено гоготать и клевать рассыпанное зерно.

139
Зимой узы, связывающие стаю, заметно крепнут. Прошлая вражда и соперничество как будто забыты.

140
Гуси остаются на своем кормовом участке до позднего вечера, а потом внезапно взлетают и тесным строем скрываются в тумане, держась у самой поверхности воды.

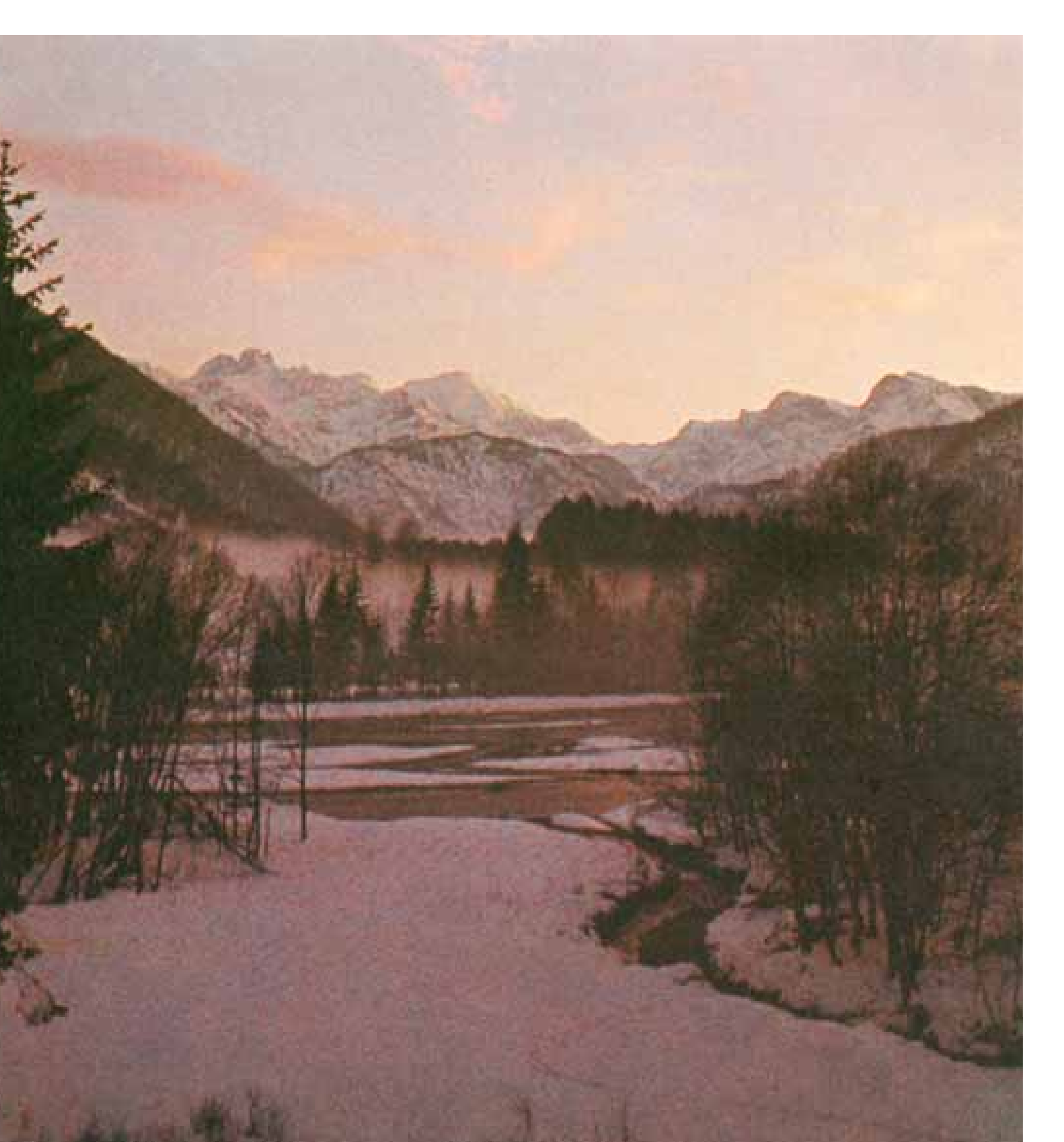
141
Зеленовато-желтые цветки селезеночника супротивнолистного (Chrysosplenium oppositifolium L.), первые глашатаи весны, распускаются на берегах ручьев и в других сырых местах.

142
Белоцветник весенний (Leucojum vernum L.) расцветает в сыром ольховом лесу вблизи озера Альм-Зе, едва успевает сойти снег.

143
В студеные зимние дни гуси стоят в мелкой воде, согревая лапы. Пар, курящийся над водой, мохнатым инеем оседает на ветках деревьев по берегам.

144
На земле еще лежит снег, но с каждым днем его остается все меньше. Иней давно бесследно исчез, и по долине мчится теплый ветер.

Заключение

Как я уже сказал во вступлении к книге, у меня не было намерения превращать ее в последовательно научное описание жизни серого гуся. Эта задача получит свое разрешение в совсем иной работе — в подробной монографии. А тут я ограничился лишь пояснениями к фотографиям, сделанным Сибиллой Калас, — собственно говоря, это лишь описание обстоятельств, при которых велась съемка. Подлинное содержание книги рассказывается в фотографиях. Кому же она адресована? Кто, как мы надеемся и верим, воспримет ее и поймет то, о чем она повествует?

В наше время слишком значительная часть человечества отчуждена от природы. Повседневная жизнь стольких людей проходит среди мертвых изделий человеческих рук, так что они утратили способность понимать живые создания и общаться с ними. Эта утрата помогает разобраться, почему человечество в целом демонстрирует такой вандализм по отношению к миру живой природы, окружающей нас и питающей нашу жизнь. Попытаться восстановить утраченную связь между людьми и остальными живыми организмами, обитающими на нашей планете, — очень важная, очень достойная задача. В конечном счете успех или провал подобных попыток решит вопрос, погубит человечество самое себя вместе со всеми живыми существами на земле или нет.

Те, кто напряженно работает весь день и вообще подвергается различным стрессам, не склонны читать книги, полные тревожных предостережений, пусть даже неопровержимо верные в своих прогнозах. Никому не нравится слушать в часы отдыха суровые проповеди. Призывы экономить энергию, тратить меньше нефти и вообще сократить неразумное мотовство не вызывают никакого энтузиазма. К сожалению, человеку свойственно относиться к необходимости вести себя правильно, как к тяжкой обузе. Но на прекрасное люди способны отзываться и когда они устали. И как фармацевт прячет горькую пилюлю в сахарной оболочке, так, быть может, с помощью красоты удастся внушить переутомленным, отторгнутым от природы людям понятие о хорошем и плохом и об их долге защищать и беречь живые создания природы.

Мы верим, что серые гуси особенно подходят для того, чтобы воздействовать в таком направлении на неисчислимое городское население. Из многих животных, относительно хорошо нам знакомых, есть только одно, чье поведение притягательнее для людей, чем поведение серого гуся, — это собака.

Мой отец, величайший любитель собак, воздал высшую хвалу гусям, сказав как-то: «Если не считать собаки, серый гусь — это наиболее подходящее животное для постоянного общения с людьми». Разумеется, это верно и по отношению к другим видам диких гусей, но мой отец был знаком только с серыми. В семейной и стайной жизни диких гусей можно обнаружить огромное число поразительных параллелей с человеческим поведением. И не нужно думать, будто утверждать это — значит впадать в никуда не ведущий антропоморфизм. Мы систематически и сознательно учились избегать в своей работе подобных ошибок. Однако многие факты убеждают нас, что высшие животные могут ощущать радость и горе примерно так же, как мы. Если я возвращаюсь из поездки и мои собаки ошалело царапают лак моей машины, не в силах дождаться, когда я вылезу, а затем начинают рвать мою одежду, я твердо знаю, что они счастливы и что свою радость от встречи с близким другом после долгой разлуки я выражал бы примерно так же. Позволю себе сказать даже больше: тот, кто знает собак и жил с ними, но не способен разделить их радость, тот попросту аномален. И сомневаюсь, что такой человек способен разделять чувства других людей.

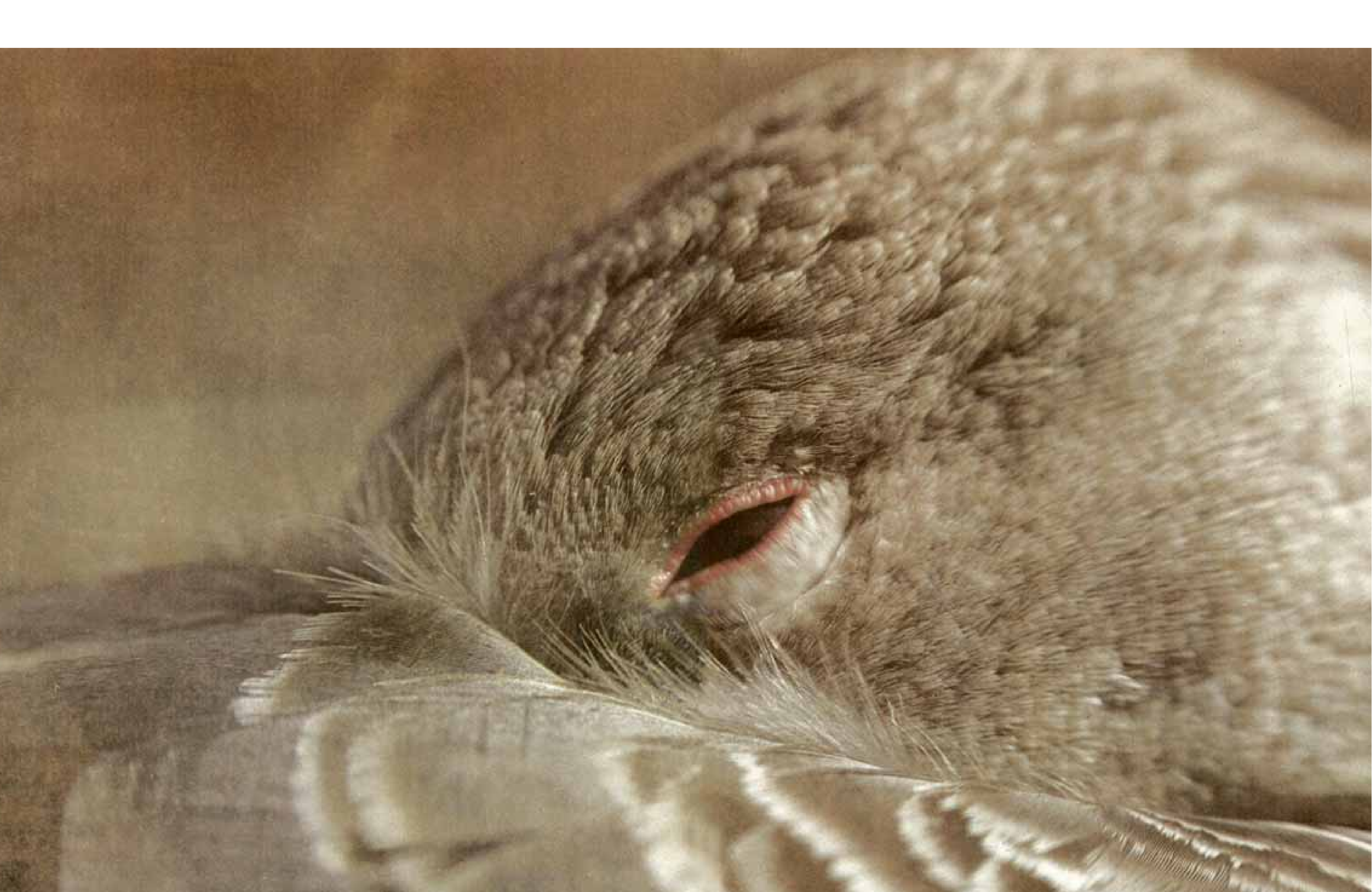
Может быть, чудесные иллюстрации этой книги, которые представляют собой подлинные документы, покажут читателю, что высокоразвитая социальная жизнь свойственна не только нам. Я назвал собаку в качестве примера, близко знакомого нам всем, но и другие животные способны испытывать радость и глубокую печаль, любовь и привязанность, а также связывать себя узами настоящей дружбы. Мы надеемся, что, осознав это, чуткий читатель активно выступит за эффективную защиту природы и ее живых созданий.

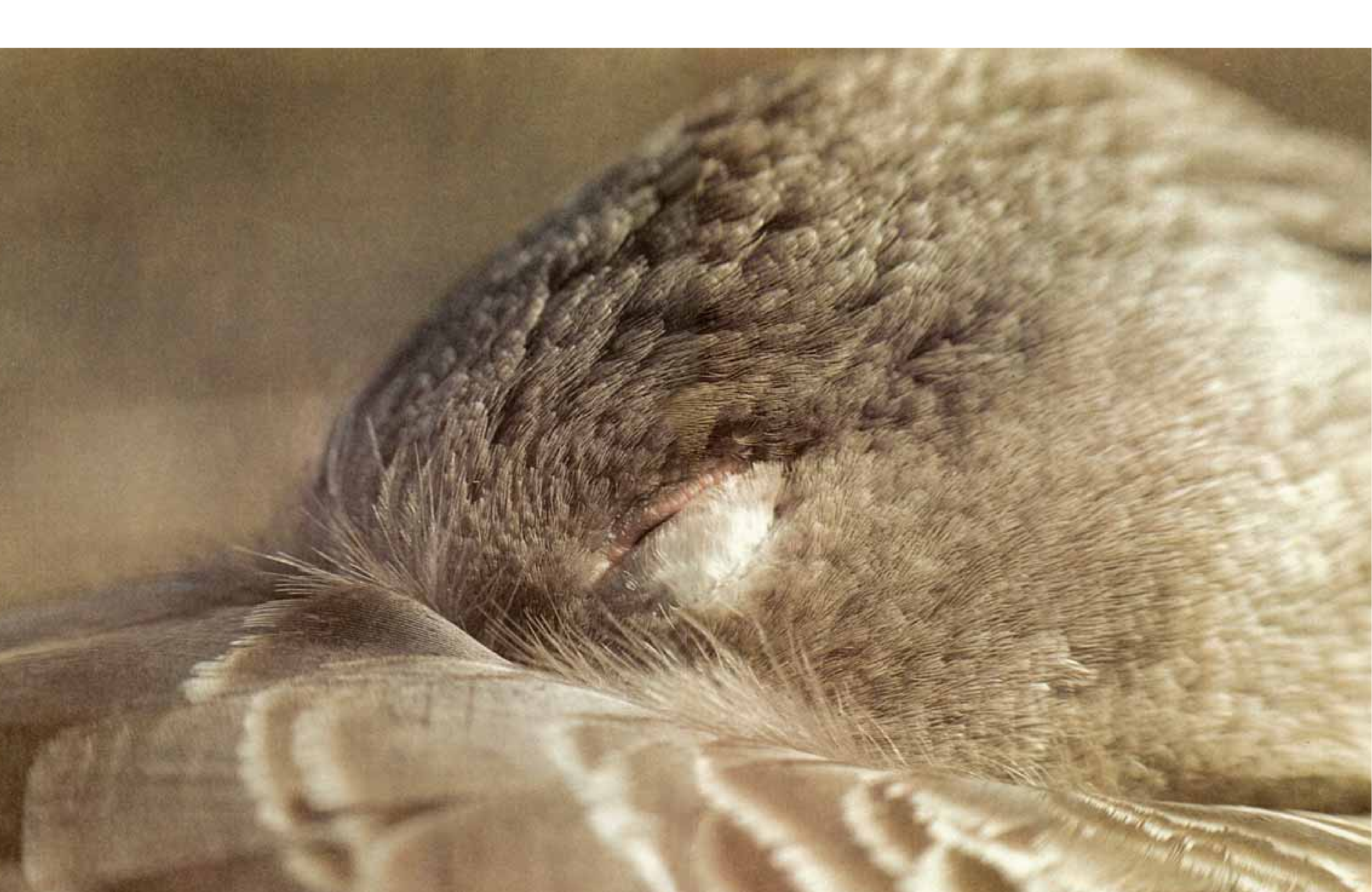
Я менее всего хочу трактовать животных как нравственный пример для человека в духе Эзопа или Лафонтена. История «Вороны и лисицы» всегда меня раздражала — хотя бы потому, что ворона вовсе не так уж глупа, чтобы ронять сыр. Ни одна реальная ворона его не уронила бы. У вороны имеется вместительный зоб, куда она может протолкнуть предмет, когда ей надо открыть клюв. А если предмет слишком велик, она крепко прижмет его лапой. Я знал это уже в шесть лет, когда мне пришлось выучить басню наизусть.

У животных нет чувства нравственной ответственности. Все их действия естественны, и на их поведение никогда не влияет предвидение возможных последствий, вредных для их семьи или стаи. Однако эти естественные действия таковы, что за редчайшими исключениями животное поступит так, словно действия эти диктуются предвидением и сознанием собственной ответственности. Животным чувство нравственной ответственности попросту не требуется, поскольку в естественных условиях все их инстинкты побуждают их поступать правильно. Собственно говоря, сходные наклонности есть и у людей. Однако рассудочные нравственные соображения часто мешают цивилизованным людям обращаться, например, со своими детьми так, как того требуют естественные наклонности. Они не ласкают и не целуют детей, когда те послушны и умилительны, и не отпускают им заслуженного шлепка за скверные проказы. Я уж не говорю о той преступной чепухе, которая именуется так называемым свободным воспитанием.

Одному гуси могут научить нас своим примером прямо-таки в духе басен Лафонтена — тому, как расслабляться и отдыхать. Я уже говорил, что гогот молодых гусей, возвещающий отдых и сон, — это прелестнейшая и самая эффективная колыбельная из всех, какие я знаю. Как бы легок ни был сон этих диких птиц, как бы насторожены ни были их чувства (особенно тонкий слух, не отключающийся даже в самом глубоком сне), они способны полностью погрузиться в освежающий сон, который у людей, по-видимому, бывает только в детстве. И мы заключим книгу фотографиями, показывающими это чудесное умение расслабляться.

OCR, spellcheck, оформление *TaKup*
Компьютерная верстка *Andrew*

Конрад Лоренц

ГОД СЕРОГО ГУСЯ

Научный редактор Р.В. Дубровская
Младший научный редактор М.В. Суровова
Художник А.В. Шипов
Художественный редактор Л.Е. Безрученков
Технический редактор Н.Д. Толстякова
Корректор Н.Н. Яковлева
ИБ № 3133

Сдано в набор 12.11.82. Подписано к печати 08.06.83. Формат 84X108 1/16. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура таймс. Печать офсетная. Объем 6,0 бум. л. Усл. печ. л. 20,16. Усл. кр.—отт. 81,66. Уч.—изд. л. 25,02.
Изд. № 12/2650 Тираж 100 000 экз. Зак. 1546. Цена 2 р. 40 к.
Издательство «Мир»
Цена: 4 р. 90 к.

129820, Москва ИД 10, ГСП, 1-й Рижский пер, 2
Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли 150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.